Кирилл Шатилов

Торлон

Трилогия в одном томе

- Алое пламя в зеленой листве
- Под флагом серо-золотым
- Кровь и грязь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История, начавшаяся с таинственных злоключений Уилфрида Гревила, торговца тканями из средневекового графства Уэссекс, постепенно разрастается в эпическую сагу…

Замок Вайла'тун с прилегающими к нему поселениями отделен от остального мира непреодолимой стремниной реки Бехемы с юга и Пограничьем, обширнейшим лесом, населенным дикими племенами рыжеволосых дикарей, с севера. В надежно оберегаемых придворными писарями летописях говорится о том, что где-то за Бехемой и Пограничьем обитают и другие народы, но простым людям знать об этом ни к чему. Да у них и без того повседневных забот хватает…

В этом мире нет места колдовству, феям и драконам, но жизнь персонажей наполнена удивительными событиями. Если приглядеться к ней повнимательнее…

•

Сколько он ни открывал глаза, светлее не становилось. Изо всех сил зажмурившись, досчитал до трех и снова с замирающим сердцем поднял отяжелевшие веки.

Кромешная тьма.

Уж не ослеп ли он?

Если б ему выкололи глаза, он бы наверняка испытывал боль. Сейчас же он не ощущал ничего, кроме изумления и исподволь накатывающего откуда-то из глубин сознания ужаса.

Попробовал поднять руки к лицу. Ладони уперлись во что-то твердое и шершавое. Плохо струганное дерево. Занозы. Вот и. больно. Значит, он не спит и все чувствует. Что же с глазами?

Подтянув руки к груди, изловчился и все-таки провел пальцами по лицу. Нос, ресницы, брови. Все на месте. Он часто-часто заморгал. Мрак не исчез.

Зато теперь он отчетливо сознавал, что лежит на спине. Под затылком какая-то твердая подставка. Неужели он мог заснуть в таком неудобном положении? Ведь сколько он себя помнил, засыпать ему удавалось исключительно на боку.

На всякий случай прислушался. Мертвая тишина. Только собственное тяжелое дыхание. Отчего такой спертый воздух? Как в гробу.

Он попробовал повернуться. Помогая себе руками, всадил в ладони новые занозы.

В ногах что-то подозрительно звякнуло.

Ноги тоже почти не сгибались в коленях, сразу упираясь в невидимую твердую преграду.

На память приходили лишь разрозненные картинки из недавнего прошлого. Спаленная страшными норманнами деревня, где погиб его старший брат. Долгое путешествие по реке, названия которой он никогда не знал. Первый день в валяльном цеху, когда отец с гордым видом мастера показывал ему, как надо обращаться с шерстью. Свадьба с Мэри, когда их чуть не залило проливным дождем, и было обидно и смешно одновременно…

Как ни странно, он совершенно не помнил, что непосредственно предшествовало его сну. Кажется, к ним наведался этот старый пройдоха Джон, вот уже который год собиравшийся отдать душу Господу и всякий раз разочаровывавший своей живучестью соседскую ребятню, уж больно охочую до его сада с наливными яблоками. Насмешник Том ухитрился даже взять с него слово, что, если Джону перевалит за восемьдесят, он покинет Уинчестер и отправится отшельничать к монахам. Монахи, которых имел в виду Том, были вовсе не отшельниками, а обычными безобидными пилигримами, что каждую весну проходили через их места по пути в одним им ведомые Святые земли. Однако жители Уинчестера, привыкшие к шумным толпам и веселью за кружкой доброго эля, имели обыкновение всех чужеземцев, а тем более хмурых и облаченных в длинные серые робы, называть «отшельниками».

Зачем же к ним забрел старина Джон? Или это был вовсе не он? Что же происходит?

Дышать становилось все труднее. Несмотря на царивший вокруг холод, его предательски бросило в жар. По лысому темени поползли капельки пота.

Только сейчас он вспомнил, как зовут его самого: Уил. Уилфрид. Уилфрид Гревил, если уж быть точным до конца. Сын валяльщика шерсти и ткачихи, ставший со временем пусть и небогатым, но вполне почтенным благодаря почти всегда честному труду торговцев бурелью.[Бурель — в средневековой Англии грубая шерстяная ткань, использовавшаяся главным образом бедняками. — Здесь и далее примеч. авт.] Не далее как в прошлом году принят в местную гильдию.

О чем это он думает? При чем здесь гильдия, когда он не может как следует повернуться или увидеть собственную руку, дрожащую где-то перед глазами, не говоря уж о том, чтобы встать и пойти домой.

Уилфрида Гревила била дрожь.

На самом деле он подсознательно понимал, что с ним

произошло, но смертельный страх мешал ему признаться в этом даже самому себе.

Нечто подобное случилось с ним однажды в детстве, когда он увидел входящего в дом человека в иссеченном доспехе, похожем на норманнский. Тогда он повалился на пол и потерял сознание на долгие два дня, а когда очнулся, перепугал всех домочадцев и священника, пришедшего исполнить свой долг и уже начавшего обряд отпевания.

С тех пор минуло почти тридцать лет, и Уил думать забыл о своем странном недуге. И вот он открывает глаза и ничего не видит. Безлунными зимними ночами мать любила повторять присказку: «темно, как в могиле». Как в могиле. Он в могиле. Не просто в могиле — в гробу. Ведь он не какой-нибудь паршивый крестьянин. В гильдии не жалели средств на своих собратьев. Особенно когда речь шла о последнем долге перед покойным. На прошлое Рождество он сам был свидетелем того, с какими почестями хоронили Лоренса Ладлоу. Но у того было трое внуков и неизлечимая чахотка, донимавшая его столько, сколько помнил его Уил…

Обливаясь холодным потом, несчастный уперся костяшками дрожащих пальцев в дерево перед собой… над собой. Сквозь густую пелену затхлого воздуха до его ноздрей донесся бередящий запах свежетесаной древесины.

Крышка, сколько он ни напрягал ослабевшие от отчаяния мускулы, не поддавалась. На память пришли детские рассказы о том, как на соборных кладбищах люди по ночам слышали шорохи и возню покойников. Неужели это случается взаправду? Но ведь не могло же подобное произойти с ним? Это сказки! Такого просто не бывает! О чем думала его любимая Мэри? За что?

Сознание несправедливости как будто придало ему сил. Уил стал бить кулаком в дерево. Боли от заноз он больше не ощущал. Ему показалось, что он снова теряет сознание. Вероятно, так и произошло. Потому что, когда он снова попытался открыть глаза, дышать было уже просто невмоготу.

Не то пот, не то слезы бессилия разъедали утратившие сам смысл существования глаза.

Он стал извиваться червем, сознавая всю тщетность этих бездумных попыток сопротивляться такой же слепой судьбе, и сразу почувствовал, как под ногами елозит целый ворох предметов. Конечно же убитые горем домочадцы не могли не положить с ним в могилу тех вещей, которые должны были понадобиться ему на том свете. Теперь вся эта чертова утварь только сковывала и без того стесненные узким гробом движения.

Уил изловчился и лег на правый бок. Зачем? Не спать же он

собрался? Хотя, если подумать, каким облегчением было бы сейчас и в самом деле уснуть, забыться сном, чтобы никогда больше не проснуться и не делаться невольным свидетелем собственной смерти! Но какой уж тут сон! Руки не вытянешь, под головой — только что не камень, дышать нечем, под одежду неотступно пробирается холод, ногу что-то колет…

Если бы мог, он бы наверняка вскочил. Спасительная мысль озарила его теряющий нить рассуждений мозг. Нож! Они положили в гроб нож! Должно быть, Мэри, которая знала мужнину привязанность к этому старому орудию, доставшемуся ему от отца, а тому — от деда. Уил отчетливо представил протертые местами до дыр бурые кожаные ножны, вырезанную из медвежьей кости рукоятку в виде бегущего лося с ветвистыми рогами, и короткое, загнутое у острия широкое лезвие, сплошь изборожденное царапинами и выщербинами, словно лицо старика. Нож, за все свои годы верных трудов на благо рода Гревилов, так и не получивший достойного имени. Просто нож!

Уил попытался поджать под себя ноги. На какое-то мгновение он перестал чувствовать нож и испугался. Ухватиться за ниточку надежды и снова ее упустить — куда как страшней, чем падать камнем в бездонную пропасть и знать, что тебе уже ничто не поможет.

Попробовал еще. Что-то кольнуло возле самой щиколотки. Нет, рукой не дотянешься. Нужно забыть обо всем и как можно быстрее подтащить нож повыше. Воздух заканчивался. Предательски кружилась голова.

Ему показалось, что прошло никак не менее часа, прежде чем покалывание поднялось к колену. Но он по-прежнему был не в силах дотянуться до ножа дрожащей рукой. От усталости и пребывания в одной неудобной позе стало сводить все тело. Уил не кричал от невыносимой боли только потому, что не мог позволить себе тратить на крик драгоценные силы.

Он уже отчаялся ощутить в ладони знакомую рукоять и тянул руку машинально, зная, что поманившая спасением нить оказалась слишком короткой, когда кончики пальцев наткнулись на нечто твердое и подвижное. Поддев ногтем крохотный выступ, он осторожно потянул предмет к себе.

Нет, это был не его нож: тонкая рукоять, длинное обоюдоострое лезвие. Ногу кололо не острие, а надломленная перемычка для предохранения пальцев. Зачем ему положили чужой сломанный нож?

О чем он думает? Какая разница, сломана перемычка или нет? Его это нож или чужой? Главное — он сжимает его в кулаке и, лежа на спине, подталкивает то животом, то грудью в неохотно

поддающееся дерево гроба. Неохотно, но поддающееся!

Вероятно, хоронили меня все же в суматохе, пытался рассуждать Уил, чтобы хоть чем-то занять перестающий слушаться мозг. Любимый нож забыли. Сунули вместо него первый подвернувшийся под руку. Гроб сколачивали в спешке, чтобы только был похож на гроб — и не беда, что доски не подогнаны и зияют дырами, через которые теперь прямо ему на грудь сыплется земля. Думали, покойнику теперь все равно где лежать. Нет, не все равно. Потому что не покойник! Не буду покойником! Выберусь! Хоть и перепугаю их до смерти, а все-таки потом пусть им не только радостно, но и стыдно станет…

Не поддававшийся долгое время сук в конце концов удалось вытолкнуть наружу целиком. В доске образовалась довольно большая дыра. Положив нож на грудь и придерживая его подбородком, чтобы снова не потерять, Уил уперся обеими руками в эту единственную доску. И она стала медленно прогибаться и трескаться…

Лишь бы и могилу они рыли в спешке. То есть не такую глубокую, как обычно, когда землекопов, стоящих в ней в полный рост, не видно из-за черных холмов только что вырытой земли.

Сломать доску с первой попытки не удалось. Уил попробовал помочь рукам коленом, но не смог как следует согнуть ногу. Тогда он просунул в дырку от сучка указательный палец и повис на нем всем телом. Доска прогнулась значительно легче. Она оказалась не толще самого пальца и слишком длинной, чтобы долго сопротивляться. Изловчившись, Уил просунул в образовавшуюся щель свободную руку и, упираясь в крышку гроба лбом, стал тянуть пружинящую преграду на себя.

Доска лопнула в том самом месте, где недавно находился сук. Уила засыпало землей, однако он уже ощущал в себе силы свернуть горы. Удар занозистой доской по лицу только раззадорил его. В ход пошли локти, колени, кулаки, и через несколько мгновений из-за осыпающейся земли пахнуло воздухом. Свежим воздухом!

Выплевывая попавшие в рот комья земли вперемешку с травой и отряхиваясь, он с трудом сел в ставшем еще тесней гробу. Одна из боковых досок крышки так и не захотела поддаваться, и ему пришлось извернуться боком, чтобы протиснуться наружу. Не веря в столь легкое избавление от объятий вроде бы неминуемой смерти, Уил оторопело огляделся. Он снова видел! Правда, на улице стояли сумерки, но он отчетливо различал словно бы с любопытством склонившиеся над ним редкие кроны деревьев, чьи длинные ветви, почти лишенные листвы, напоминали черные сети живой паутины. Холодный свет

невидимой отсюда точки луны серебрил задумчиво застывшие над головой облака.

Уил заметил, что, несмотря на ночное время, воздух был по-летнему теплым и мягким. Если бы не переполнявшая его радость от невероятного возвращения к жизни, он бы наверняка удивился этому обстоятельству. Ведь накануне того злосчастного дня, когда с ним, вероятно, и приключилась беда, шел промозглый осенний ливень.

Но что уж никак не укрылось даже от его рассеянного радостью внимания, так это странность того места, где он теперь оказался. Ломая гроб, он представлял себе, как будет бороться с тяжелой каменной плитой, как выберется в конце концов наружу и побредет через знакомое еще по детским проказам кладбище к островерхой часовне. Надгробия над ним, к счастью, не оказалось. Приняв сидячую позу, Уил высвободил из-под земли даже плечи. Но больше всего поразило его сейчас то, что никакого кладбища вокруг и в помине не было.

Выбравшись наружу, он обнаружил, что стоит на крохотной поляне. Со всех сторон его обступал чужой неприветливый лес, сплошь состоявший из низкорослых деревьев, поражавших длиной причудливо искривленных ветвей и полным отсутствием листьев. Земля под ногами, насколько позволял разглядеть неясный свет мутнеющей сквозь паутину веток луны, была изъедена толстыми корнями, похожими на окаменевших змей.

Продолжая отряхиваться, Уил невольно поежился: как ни хорошо он знал родную местность, он не припоминал, чтобы где-нибудь в округе Уинчестера можно было набрести на подобную чащу. Чащу, словно рожденную всегда такими образными проповедями пастора Холена, каждое воскресенье призывавшего свою многочисленную паству к праведной жизни в согласии с Господом и самим собой.

«Может быть, я все-таки умер?» — мелькнула в мозгу Уила предательская мысль, однако удовольствие от возрожденной способности двигаться и делать бесконечно глубокие вздохи прогнало ее прочь. Если за все совершенные на этом свете грехи ему суждено отправиться в ад, едва ли ад окажется таким теплым, свежим и уютным.

Уил заглянул в яму, из которой только что выбрался. Рядом с ней лежал позабытый второпях нож. Именно такой, каким он представлял его себе во мраке гроба. Уил наклонился и с трепетом подобрал нож. Совершенно простой, без узора и даже насечек на тонкой рукоятке. Перемычка с одного конца сломана. И никаких следов попыток ее починить. Более чем удивительно, зная рвение влюбленного в свое ремесло кузнеца Оуэна, который

готов был с утра до ночи махать молотком, лишь бы утварь на кухнях живущих по соседству от его кузни семейств была всегда исправна. Откуда взялся этот нож? Чья рассеянная рука могла подбросить его в гроб к покойнику, пусть даже мнимому? Ответа Уил, сколько ни искал, не находил.

На всякий случай он опустился на колени и принялся разгребать землю в изножье гроба. Сначала извлек на сумеречный свет непонятного цвета плед с довольно странным рисунком, похожим на переплетение разных по размерам окружностей. Такого у них с Мэри точно в хозяйстве не водилось. В ходу в Уинчестере были либо шотландские пледы с традиционным рисунком из пересекающихся под прямым углом линий, либо незатейливые местные, скучные и монотонные. К тому же соткан плед был из мягкой дорогой шерсти, какой даже сам Уил, будучи торговцем, не мог бы себе позволить. Кто мог додуматься завернуть ею ноги чужого трупа?

Отложив плед, Уил стал рыть глубже. Скоро пальцы его наткнулись на гладкий закругленный край чего-то металлического. Это оказалось почти плоское блюдо, очень похожее на то, которым пользовалась Мэри, когда доставала из печи горячие лепешки. Уил даже обнюхал холодную жесть. Пахло землей и дождевыми червями. Его передернуло. Если бы он не очнулся и не нашел нож, то скоро стал бы их лакомой добычей.

Уил не был уверен в том, действительно ли держит в руках блюдо, принадлежавшее их семье. Он редко захаживал на кухню, когда там хозяйничала Мэри, однако до сих пор ему казалось, что вся их утварь была обыкновенной, видавшей виды и служившей исключительно хозяйственным надобностям. Это означало полное отсутствие какого бы то ни было украшательства. Здесь же он отчетливо видел витиеватый рисунок, тянущийся по кругу вдоль всего края блюда: три чудесным образом переплетающихся вьюнка с острыми, как будто колючими листьями.

Последним, что Уилу удалось извлечь из столь неожиданно приютившего его гроба, была пузатая жестяная фляжка, закупоренная сургучной пробкой. Фляжка приятно оттягивала руку и была полной. Уил не без труда вытащил пробку и осторожно понюхал горлышко. Незнакомый запах травяной настойки. Отхлебнул. Почмокал губами, пытаясь понять вкус. И чуть не выронил фляжку, когда весь рот словно обожгло крапивой. Так резко и так больно, что из глаз брызнули слезы. Не успел Уил испугаться, как ощущение ожога прошло, сменившись необычным теплом, медленно стекающим по нёбу в горло. Он сглотнул и только сейчас понял, насколько голоден.

Расстелив на земле плед, Уил положил в середину блюдо и

фляжку и завязал концы узлом. Получилось подобие мешка, который можно было нести, перебросив через плечо. Нож он сунул за пояс… и чуть не вскрикнул от боли, когда упавшее лезвие кольнуло ступню. Громко выругавшись, Уил ошалело похлопал себя по бокам. Пояса не было. Более того, обычно свободно болтавшиеся полы домотканой рубахи, которую тот должен был перехватывать на талии, оказались заправленными в просторные парусиновые штаны, приличествовавшие какому-нибудь простолюдину, но никак не уважаемому в городе торговцу. Обозлившись на нож и на тех, кто обрядил его в этот шутовской наряд, Уил с остервенением высвободил полы рубахи и обнаружил, что так еще хуже: края оказались не подшитыми и такими неровными, будто их резали тупыми ножницами.

«Хоть и рад буду ее увидеть, а трепки она от меня все-таки дождется», — подумал он, имея в виду жену, и подобрал нож.

Ничего не оставалось, кроме как воспользоваться давно позабытым мальчишеским приемом, за который ему не раз влетало от матери: проделать ножом две дырки в ткани штанов на бедре и пропустить лезвие через них. Штаны потом придется штопать, но это хороший способ прицепить нож, когда нет подходящих ножен, равно как и пояса, на который их можно было бы подвесить.

Уил похлопал себя по груди в поисках кремневого огнива, которое неизменно носил подвешенным в кожаном мешочке на шее. Мешочек пропал. Может, и к лучшему: при первом же прикосновении к стволу ближайшего дерева выяснилось, что оно совершенно сухое. Если бы от искры вспыхнул пожар, Уилу едва ли удалось бы живым и невредимым выбраться к родному дому.

Но получится ли вообще вернуться домой, даже и без пожара? Он не умел ориентироваться по луне, а немногочисленные звезды, перемигивавшиеся в бездонной черноте неба высоко над головой, были расположены довольно странно. Особенно удивило Уила их скопление в одной точке, где четыре небесных светляка образовывали маленькую, перевернутую вверх ногами букву «Т». В ту сторону он и решил в конце концов направить свои стопы за неимением лучшего ориентира.

Пока он осторожно шагал вперед, продираясь сквозь острые, царапающие лицо и дерущие одежду ветви, под его ногами то и дело предательски подламывались дряхлые корни, и он по щиколотку проваливался в сухую древесную труху.

Уил уже понял, что как покойник оказался недостоин своей обычной обуви. Ему оставили лишь кожаные обмотки, но забыли надеть хотя бы деревянные башмаки, которые он, правда, терпеть

не мог, однако с удовольствием принял бы сейчас, когда впереди лежала неизвестная и, возможно, долгая дорога через этот адский бурелом.

Постоянная необходимость бороться с назойливыми ветвями сбивала Уила с мысли и не давала сосредоточиться. Ему же не терпелось разобраться в происходящем. Где он оказался? Почему? Куда бредет? Зачем и кому нужно было так далеко оттаскивать гроб с мнимым покойником от человеческого жилья? Кому вообще взбрело в голову его прятать? Он перебирал в памяти все события последнего времени, однако так и не мог вспомнить, чтобы с кем-нибудь ссорился, а тем более настолько, чтобы завести заклятых врагов. С Мэри они с первого дня жили душа в душу. Мэри — да как он смеет даже думать о ней так!

Крохотные огоньки, составлявшие букву «Т», ехидно подмигивали и беззаботно ускользали через перекрестья ветвей. Растущее чувство голода донимало все сильнее. Уил то и дело принюхивался, ожидая, что теплый ночной бриз вот-вот принесет запах дыма от домашнего очага, а может быть, и варящейся на нем овсяной каши. Однако, сколько он ни старался, нос его не улавливал ничего, кроме пыли и затхлости высушенного болота.

Несколько раз ему казалось, будто он замечает меж деревьев не то факелы, не то пламя отдаленных костров, и он сворачивал с пути, чтобы всякий раз убедиться в своей ошибке: вокруг стояла непроглядная ночь, а горели только холодные звезды.

Что-то прошмыгнуло у него под самыми ногами. Заметив в последний момент длинный ускользающий хвост, Уил понял, что чуть не наступил на огромную крысу. Присутствие крыс указывало на близость жилья. Или трупа.

Уила передернуло. Он сам только что выкарабкался из мира мертвых, и ему совершенно не улыбалась перспектива наткнуться на них в мире реальном, хоть и смахивающем на преддверие огнедышащей штольни, имя которой — ад.

Вероятно, он произнес это слово вслух, поскольку оно как будто обрушило целую лавину звуков. Снова прошуршало под ногами, где-то в отдалении, будто от неловкого движения, треснула ветка, тоскливо загукал невидимый филин, ему ответил писклявый хор разбуженной и уже уносящейся прочь стаи стрижей. Наконец, как итог этой живой какофонии, до слуха Уила долетел монотонный гул — так в замке бьют в набатный колокол, созывая жителей окрестных деревень по тревоге или на важное вече.

Уил попытался запомнить, откуда донесся этот звук. Он успел насчитать пять ударов, когда гул стих, и снова наступила мертвая тишина. Уил зло чертыхнулся: теперь ему казалось, что

колокольный звон доносился отовсюду. Подняв голову и найдя между ветками четыре заветных звезды, он продолжил свой путь в указываемом ими направлении. Несмотря на поздний час, сна не было ни в одном глазу.

Прошло еще немало времени, прежде чем Уил заставил себя остановиться. Запустив руку в узел, он извлек потеплевшую на воздухе фляжку и сделал второй глоток. Как ни странно, на сей раз ощущение было совершенно иным: вместо укуса крапивы на языке и небе он почувствовал обжигающий холод ледяного ручья, на мгновение сковавший удушливым спазмом горло. Уил закашлялся и чуть ни выронил фляжку.

Отдышавшись, на выдохе отпил еще. В голове зашумело.

При случае Уил мог бы похвастаться тем, что слывет завсегдатаем таверны «Пьяный монах», которая славилась на весь Уинчестер количеством сортов хмельного пива и всевозможных видов эля, браги, сидра и даже привозных вин. Однако ничего подобного этой таинственной настойке он отродясь не пробовал. Вкус ее одновременно пугал и манил. Он машинально поднес фляжку к губам, но принюхался и передумал. Впереди его ждал неизвестно сколь долгий путь, а во хмелю кто угодно может наломать дров. Даже бывший покойник.

Постепенно сухие заросли начали редеть. Странный сушняк то здесь то там теперь перемежался с хвойными деревьями, похожими на облезлые елки, примечательные еще и чересчур длинными иголками. От голода Уил попробовал их жевать, но горечь была такая, что пришлось снова лезть за фляжкой. Лучше было о еде не думать вовсе.

По тому, как тяжело стал даваться каждый шаг, Уил понял, что дорога пошла вверх. Он взбирался на холм. Путеводные звезды тоже пропали, так что приходилось полагаться на шестое чувство. А оно подсказывало, что за подъемом обязательно следует склон.

Однако Уил все шел, а холм не кончался.

Основательно выбившись из сил и по-прежнему не испытывая желания поспать, Уил решил сделать короткий привал. Почему именно короткий, он сам не знал. Вероятно, по-хорошему стоило дождаться утра и тогда как следует определить местопребывание. Но желание поскорее добраться до дома и голод лучше любого кнута гнали его вперед.

Опустившись на землю возле толстого дерева, напоминающего дуб, он вытянул ноги. И чуть не вскрикнул: ноги свободно болтались над бездонным провалом. Еще шаг, и он бы камнем упал в пропасть. Ибо теперь, вжавшись правым боком в пористый ствол, Уил увидел, как медленно рассеивается густой

туман, озаряемый первыми всполохами всплывающего из ниоткуда солнца, а под туманом обнаруживается вовсе не усыпанная иголками трава, но зияющий простор долины с излучиной реки. Река с такой высоты представлялась тоненьким ручьем.

Теперь Уил знал, что не просто заблудился. Ничего подобного поблизости от Уинчестера не было и не могло быть. Правда, там протекала река, которую в стародавние времена так и назвали «река», то есть Эйвон, однако несла она свои неспешные воды по равнине, и не существовало такой горы, с которой ее можно было бы спутать с ручьем. Гор в Британии, а тем более в Уэссексе, где от одного взгляда вниз захватывало бы дух, не было, разве что на севере далекой Шотландии, но ведь не сошли же с ума его друзья и родственники, чтобы устраивать похороны за тридевять земель. Да и не слышал он, чтобы в эту пору в горной Шотландии по. ночам стояла такая теплынь.

По мере того как поднималось солнце и заливало мягким оранжевым светом просыпающуюся долину, снизу, из-под усталых ног потрясенного путника задул прохладный бриз. Над его головой зашумели кроны деревьев. Запрокинув голову, Уил убедился, что это и в самом деле дубы. На земле то здесь, то там лежали упавшие желуди.

Лес позади тоже стал дышать и оживать после лунного сна. Солнечный свет в мгновение ока преобразил его. Уил снова не верил глазам, вспоминая, какими хмурыми, безнадежно черными и страшными немногим более четверти часа назад казались ему эти могучие дубы. Теперь же они успокаивающе шелестели листвой и молча ждали его дальнейших действий. Они созерцали его, пока он ошарашенно взирал снизу вверх, понимая, что сейчас они — невольные свидетели его одиночества и единственные друзья.

Отвесный склон тянулся в обе стороны насколько хватало глаз, до самого горизонта. Как будто в этом месте земля раскололась пополам, и одна ее половина осталась там, где сейчас сидел Уил, а вторая опустилась на многие мили вниз и зажила своей собственной жизнью. Правда, жизнь ее разглядеть с такой высоты не представлялось возможным. Лесистые берега реки казались поросшими мхом, а выступавшие кое-где островерхие скалы — крохотными камушками, способными разве что уколоть босую ногу.

Первоначальный страх Уила сменился робким очарованием. Теперь он воочию мог представить себе, как выглядит знакомый ему мир людей глазами свободно парящей птицы. Если птицы вообще могут подняться на такую высоту.

В некоторых местах долины из-под «мха» покрывавших ее лесных чащ поднимались струйки белого дыма — единственный видимый признак людского присутствия. Если там и были деревни или даже города, лес надежно скрывал их от постороннего взора.

Голод дошел до такой степени, что Уил почти перестал его замечать. Кружилась голова, но он думал, что всему виной врожденная боязнь высоты. Уил, сколько себя помнил, всегда избегал не только стоять на краю оврагов, но и забираться на деревья. В детстве иод ним сломался сук, и он чудом остался жив, пролетев добрых пятнадцать футов.

Вид реки навел его на мысль о том, что он не только давно не ел, но и не пил. Хуже голода могла быть только жажда, и вот теперь она как нельзя некстати давала о себе знать. Уил заставил себя оторваться от столь завораживающего своей неожиданностью зрелища и подняться на ноги.

Идти вдоль края провала в ту или иную сторону не имело смысла: спуска в долину, кроме как камнем вниз, определенно не существовало. Значит, нужно возвращаться. Уил почувствовал, как ноги сами несут его обратно в заросли.

От быстрой ходьбы стало жарко, однако он решил не снимать рубаху, чтобы не пораниться об ожидавшие его впереди сучья. Неужели снова придется преодолевать всю ту утомительную дорогу через чащу, из которой он с таким трудом только что вырвался? Если б его не соблазнили звезды, он мог давно уже оказаться среди людей. Уил невольно поймал себя на том, что больше не мечтает попасть домой. Куда угодно, лишь бы к людям, потому что где люди — там еда. И вода. Или даже пиво. Ледяное и горькое.

Он вспомнил о фляге со странным зельем и остановился сделать очередной спасительный глоток. Запрокинувшись, с пахучим горлышком у рта, заметил краем глаза движение за ближайшими кустами. Замер. Из-за кустов выглянула острая мордочка не то крысы, не то лесного крота. Глазки-бусинки вернули Уилу удивленный взгляд, и мордочка скрылась. Рука сама потянулась к ножу на бедре.

Когда через мгновение зверек снова высунулся, Уил метнул в него нож. Он никогда не отличался меткостью и потому действовал скорее машинально, по наитию, нежели по расчету. Нож юркнул следом за мордочкой в траву. Не услышав писка, Уил решил, что промахнулся. Он наклонился, чтобы отыскать свое единственное оружие, и от восторга замер: длинное лезвие пригвоздило зверька к толстому корню. «Не может же мне не везти все время», — радостно подумал Уил, разглядывая добычу.

Зверек был не крысой, однако названия его Уил не знал. Меньше крысы, с более темной и мягкой шерсткой, довольно упитанный и почти хорошенький, если бы не смертельный оскал, обнажавший два белых ряда острых клычков.

Отсутствие костра смутило Уила лишь в первое мгновение. Недолго думая он прямо на весу разделал тушку, содрав с нее шкурку и распоров брюшко до конца. Теплые внутренности шлепнулись в траву. Уил не ожидал от себя такой ловкости. Единственными существами, каких ему приходилось потрошить, были домашние куры, да и то ему приходилось заниматься этим, когда загруженная по хозяйству Мэри просила его ей помочь.

Пачкаясь кровью, он принялся откусывать жесткое, хотя и сочное мясо. Поймал себя на мысли: если б убил сейчас не безобидного зверька, а человека, поступил бы с ним точно так же. Кто же это говорил, что голод делает из человека животное? Уж не пройдоха ли Джон, когда после очередной кружки эля на него снисходил талант философа?

В животе приятно заурчало. Размазывая по лицу кровь, Уил умиротворенно зевнул. Жизнь теперь казалась уже не такой страшной и безнадежной, как полчаса назад. Он сел под дерево и впервые за всю трапезу прибегнул к помощи ножа. Резать мясо и отправлять его в рот маленькими кусками было даже вкуснее. Вот бы еще набрести на пруд или ручей, чтобы искупаться и как следует напиться! Уил улыбнулся. Что ж, если ему с первого раза повезло на охоте, почему удача должна отвернуться от него впредь?

Отбросив тщательно обглоданный скелетик в кусты, Уил с новыми силами пустился в путь. За дубами последовали елки, за елками — сухостой. Теперь даже здесь лес не казался таким удручающе враждебным, каким был ночью. Приблизившееся к зениту солнце палило нещадно. Не нашедшему нигде тени Уилу пришлось остановиться и соорудить нечто вроде шапки из пледа. Жестяное блюдо и фляжку он нес дальше в руках, зато лысую голову перестало припекать.

Продираясь сквозь колючие кусты, он не знал, сколько прошло времени, и спохватился лишь тогда, когда заметил, что появились тени: солнце стало клониться к западу. Уил же упрямо брел на юг и с ужасом думал, не совершает ли сейчас самую большую ошибку в своей жизни. Может быть, не самую большую, но уж во всяком случае последнюю. Сухостой означал не только невозможность укрыться от зноя, но и отсутствие воды, а следовательно — какой бы то ни было живности. При этом он понятия не имел, насколько далеко тянется этот мертвый лес. На странствие по нему мог уйти не один день. В таком случае Уил

был обречен. Содержимое фляжки утоляло жажду, но ненадолго, зато после каждого глотка голод давал о себе знать с удвоенной силой.

Сумерки наступили неожиданно, и вскоре все вокруг поглотил мрак.

Уил остановился, стянул с головы нагревшийся за день плед и лег на него, чтобы не чувствовать уколов сухих стеблей. Хотя идти ночью было, вероятно, не так утомительно, сил продолжать путь у него не осталось. Кроме того, он больше не видел звезд на небе и справедливо опасался, что может заблудиться, и тогда все дневные труды и лишения пойдут насмарку. Ему не раз приходилось слышать рассказы о том, как лес играл с путниками злую шутку, водил их по кругу, и они оказывались наутро в месте своего вчерашнего привала.

Торговля шерстью научила его одному очень важному качеству — терпению. Пока он не освоил ткачества и искусства валяния тканей, его дело было каждый сезон закупать только что состриженную шерсть по крестьянским хозяйствам и монастырям, а потом перепродавать ее в дни ярмарок на рыночных площадях, причем не только в самом Уинчестере, но и в соседних городах, если ему заранее доносили, что там можно будет назначить более высокие цены. В остальное же время он работал по дому или проводил время в относительной праздности, терпеливо ожидая следующего сезона.

Уил не заметил, как заснул. Ему ничего не снилось, и проснулся он хорошо отдохнувшим и окрепшим. Только нестерпимо хотелось есть. Солнце еще пряталось за деревьями, но день обещал быть не менее жарким, чем вчерашний.

Проклиная себя за нерасчетливость, Уил продолжил свой унылый путь. Сейчас он предельно ясно видел допущенные ошибки, которые в сложившейся ситуации могли оказаться для него роковыми. Зная, что его ожидает, он не должен был сломя голову бросаться обратно через мертвый сушняк, а сперва пройти по дубовой опушке леса вдоль провала. И пусть на это ушло бы лишних два-три дня, за это время он набил бы достаточно дичи, чтобы потом продержаться без охоты значительно дольше. Кроме того, раз дубы росли, как и должен расти настоящий лес, значит, там сохранялась вероятность отыскать животворный источник. Почему его потянуло назад, навстречу неминуемой гибели? Почему было не выбрать одно из двух направлений вдоль опушки? Или он наивно верил, что обратная дорога рано или поздно приведет его к дому? Какая непоправимая глупость!

В какой-то момент Уил подумал снова повернуть назад и вернуться к провалу. За спиной были полтора дня пути, и он, зная

цель, мог бы с огромным трудом, но все-таки продержаться. Напротив, впереди его ждала полная неизвестность. Встряхнув фляжкой, он прикинул, что жидкости осталось глотков на пять-шесть. Сколько это? Два дня мучений? Три? Открыв крышку, сделал жадный глоток. Теперь уж точно не три. Скорей бы все кончилось!

Он шел весь день. Когда опустилась тьма, рухнул на плед.

Он так устал, что забыл про фляжку, и проснулся под утро от страшной сухости во рту. Напившись — если так можно назвать ощущение влажности на губах и жжения на языке, — огляделся в поисках солнца. Небо было затянуто серой дымкой. Поначалу ему показалось, что это дым от пожара, однако запаха гари не чувствовалось, и Уил воспрянул духом: небо затянули плотные облака. Сколько это могло продлиться, он не знал, а потому сориентировался на местности по собственным вчерашним следам, оставшимся глубокими впадинами в выжженной земле, и незамедлительно отправился в путь. То и дело оглядываясь, он следил, чтобы остававшаяся за ним дорожка следов тянулась прямой линией. Тогда он мог быть уверен хотя бы в том, что не бродит кругами.

Уил уже настолько привык к окружавшим его сухим деревьям, что почти не замечал, как их острые сучья рвут на нем одежду и царапают тело. От пота ранки зудели и саднили, однако эта боль была ничто по сравнению с утомительным головокружением и поедающим себя от голода желудком.

Уила так и подмывало покончить со всеми этими муками разом, залпом выпив фляжку или выплеснув ее содержимое на землю. Он знал, что не перестанет идти, пока еще теплится надежда. Умрет надежда, умрет и он. Однажды он уже умер. Тогда ему удалось обмануть смерть. Неужели лишь затем, чтобы умереть вновь, на сей раз взаправду?

Так прошел еще один день.

Расстилая в сумерках плед рядом с целой кучей сушняка, наваленного вокруг одинокого дерева, Уил отчетливо услышал далекий раскат грома. Сначала он даже не обратил на него внимания, укладываясь и закрывая глаза, чтобы попытаться заснуть, но потом приподнялся на локте и прислушался. Гром прокатал снова, и на сей раз Уилу показалось, что он заметил в том направлении, откуда пришел, всполох молнии. Гроза! Настоящая гроза! Так вот почему весь день небо было затянуто тучами! Погода портилась! Какое счастье! Будет дождь!

Если бы у Уила оставались силы, он вскочил бы на ноги и пустился в пляс. Отчаявшегося, чуть не отказавшегося от борьбы за жизнь, его теперь спасали те же самые явления Господни,

которые до сих пор столь нещадно испытывали его ослабевший дух. Уил перевернулся на живот, поднялся на колени и принялся истово молиться в сторону громовых раскатов.

Гроза надвигалась.

Глотая слезы радости и умиления от ниспосланной ему милости Всевышнего, Уил то и дело поднимал лицо вверх, ожидая первых капель долгожданного дождя. Над лесом уже проносились сильные порывы ветра. Сухие стволы беспомощно трещали. В какой-то момент Уила обдало облако поднятой пыли. Он только рассмеялся, злорадствуя бессилию казавшегося до сих пор таким страшным леса.

Гром пророкотал над самой его головой. Уил хотел было закричать от охватившего его религиозного экстаза, но сорвавшийся с потрескавшихся губ крик превратился в вопль ужаса. Последовавшая сразу за раскатом грома молния на его глазах вспорола черный бархат неба и вонзилась в лес, на краткий миг озарив деревья, застывшие с воздетыми в немой мольбе ветками. Уил увидел, как расколовшийся пополам ствол вспыхнул гигантской лучиной. От первого ствола занялся второй, и вот уже вокруг заплясали причудливые тени от разгоравшегося в каких-нибудь пятнадцати ярдах от него пожара.

Пути Господни неисповедимы! Искусив раба своего надеждой на спасение, Всевышний обрушил на него всепожирающий огонь!

Уил вскочил с колен, чтобы обратиться в бегство, но замер, потрясенный разворачивавшимся на его глазах буйством природы. Деревья вспыхивали как щепки и превращались в столбы пламени. Жар от них был сильнее, чем жар полуденного солнца. Огненные языки устремлялись ввысь и гудели, как адские трубы. Уил никогда не думал, что смерть может быть так ужасающе прекрасна.

И тут из ниоткуда хлынул ливень. Потрясенный Уил оказался отрезанным от пожара стеной золотистых капель. Вмиг все померкло. Огня не стало. Теперь в окружающей темноте стояло лишь негодующее шипение мокрых стволов да шуршание ливня по раскисающей земле.

Словно очнувшись от спячки, Уил бросился рыскать в потемках в поисках фляжки и блюда. Блюдо он нашел первым. Задев его рукой, он почувствовал, как через край выливается уже набравшаяся в него. вода. Настоящая дождевая вода! Где же фляжка? Да вот же она! Теперь нужно попытаться думать. Напиться! Наполнить фляжку! Да, конечно, ведь ливень может в любой момент прекратиться. Только без суеты! Спокойно, не расплескать.

Запрокинув лицо навстречу холодным струям дождя и ловя

ртом живительную влагу, Уил судорожно выдернул из фляжки пробку. Первым делом необходимо наполнить ее водой, а уж напиться он успеет. Захлебываясь, одним махом вылил себе в горло остатки настойки. Не обращая внимания на ощущение приятной апатии, обычно сопровождающей опьянение, Уил одной рукой обхватил горлышко фляжки, а другой принялся осторожно вливать в него дождевую воду из дрожащего в руке блюда.

Дождь не прекращался.

Фляжка наконец заполнилась до краев. Заткнув ее пробкой, Уил с наслаждением распластался на спине в образовавшейся под ним луже и раскинул руки. Вода сама лилась с неба в его смеющийся от счастья рот. Несколько раз он даже чуть не захлебнулся. Сейчас он мог позволить себе не только пить вволю, но и кощунственно сплевывать воду себе на грудь.

Господь не покинул его! Искусил, напугал до смерти, но не покинул! Наоборот, явил знамение своей безмерной милости тому, кто нашел в себе силы покориться Его всевышней воле. Да пребудешь Ты и впредь пастырем моим, Господи!

Уил прямо так и заснул, лежа на спине в холодной жиже и с улыбкой на мокром лице. Он не заметил, как среди ночи дождь прекратился, и проснулся лишь тогда, когда взошедшее над обугленными останками деревьев солнце начало припекать.

Почва давно высохла, и теперь он с головы до ног был в отвратительной глинистой коросте. Ужасно хотелось пить.

Уил сел и бросил взгляд на стоявшее поодаль блюдо. Вода сверкала в нем на самом донышке. Остальное успело бесследно испариться. Уил подхватил блюдо обеими руками и жадно допил теплую лужицу.

Опустив блюдо, он невольно подался назад и вскрикнул от неожиданности: из-под соседнего дерева на него смотрел скелет. Настоящий человеческий скелет с пустыми дырами вместо глаз и насмешливым оскалом желтых зубов. Скелет не шевелился, и Уил с замирающим сердцем перевел дух. Откуда здесь мог появиться этот нежданный гость? Не принесло же его грозой? Оглядевшись, Уил понял. Скелет равнодушно сидел, прислонившись спиной к дереву, на месте той самой кучи сушняка, которую Уил заметил, готовясь ко сну. Ливень размыл землю, а ветер за ночь разметал никчемные ветки, которыми, вероятно, и был прикрыт неведомый труп.

Уил молча сидел, боясь встать и приблизиться к скелету. Покойник как будто отвечал ему тем же. Что-то в облике скелета смущало Уила. Он не сразу сообразил, что именно. Скелет был облачен в рыцарские доспехи. Сверкающие и лишенные даже намека на ржавчину, их словно только что сняли с живого воина

и напялили на эту пугающую куклу с зияющими пустотами на месте глаз и носа. Между колен скелета из земли торчал короткий меч с причудливой рукоятью.

Уил перевел дух.

События последних трех дней, как он думал, отучили его удивляться чему бы то ни было. Пробуждение в гробу, сидение над пропастью, переход по выжженному солнцем лесу, предчувствие смерти от жажды, а потом — от огненных объятий пожара и, наконец, упоение льющейся с небес водой довели его до исступления, которое в свою очередь сменилось состоянием необыкновенного покоя и всеприятия. И вот он снова оказался один на один с неразрешимой загадкой судьбы, явившейся ему в образе скелета-воина.

На своем веку Уилу неоднократно приходилось видеть рыцарей, в полном вооружении гарцующих на спинах огромных боевых коней, однако он ни разу не имел возможности осмотреть их доспехи с такого близкого расстояния, да еще и потрогать руками.

При первом же прикосновении позолоченные кольца кольчуги тихо, словно предостерегающе, зазвенели. Уил опасливо отдернул палец. Просвечивавшие сквозь железо кости производили более чем странное впечатление. Верх кольчуги представлял собой капюшон, надетый на череп и накрытый сверху блестящим шлемом тонкой работы. Шлем отдаленно напоминал голову хищной птицы, металлический клюв которой служил защитным щитком для переносицы. Уил привык к тому, что шлемы рыцарей снабжены забралом, иногда закрывающим все лицо вместе с подбородком, однако ему приходилось слышать, что некоторые воины в других странах по-прежнему предпочитают облегченные варианты с одной вертикальной пластиной. По всей видимости, мертвый воин был не англичанином.

Кисти скелета закрывали странного вида перчатки, больше похожие на металлические щитки, неизвестно каким образом крепившиеся к запястьям. Уил осторожно взялся за одну, и она осталась у него в руке. То же самое произошло, когда он попробовал снять железный башмак, доходивший почти до костлявого колена. Чудеса! Чтобы проверить возникшее подозрение, Уил, не дыша, взялся обеими руками за шлем и легко поднял его над безвольно откинувшимся назад черепом. Догадка оказалась верной: между желтой макушкой скелета и кольчужным капюшоном он едва успел заметить горку бурой пыли, которая прямо на его глазах рассыпалась сквозь позолоченные колечки. Уил знал: шлем никогда не надевают

прямо на голову, а тем более если под ним капюшон кольчуги. Обычно рыцари сперва надевали пуховую шапочку, а поверх нее еще и полотняный или шелковый чепец. Именно эти шапочка с чепцом и превратились в бурую пыль под шлемом. Означать это могло только одно: труп несчастного воина просидел здесь под деревом так долго, что вся его одежда, сшитая когда-то из дорогих тканей и кожи, обратилась в прах и исчезла. Остался лишь металл, причем совершенно нетронутый временем. Неужели в этих местах и правда не бывает дождей, а если они и случаются, то вся влага сразу же испаряется на солнце, не успевая породить ржавчину? Похоже, то было единственное объяснение. И оно Уилу совершенно не нравилось. Если в мертвом лесу гибнут могучие вооруженные рыцари, на что может рассчитывать бедный торговец шерстью, у которого за душой-то всего одна фляга с дождевой водой?

Продолжая осмотр шлема, Уил убедился, что хозяин его был явно не англичанин. Это подтверждала надпись, выгравированная вдоль всего тонкого обода и больше похожая на примитивный орнамент, элементы которого редко, но с определенной логикой повторялись: ломаная, иногда прерывающаяся линия, там и сям перечеркнутая короткими штрихами, то одиночными, то сдвоенными, со вписанными в ее причудливые изгибы крестиками или такими же короткими, но ни с чем не соприкасающимися штрихами. Кто бы ни гравировал шлем, делал он это отнюдь не по законам красоты. Значит, рассудил Уил, это надпись.

Один из фрагментов выглядел следующим образом:

В родном Уинчестере Уил слыл довольно образованным человеком, он умел не только считать, как того требовало его ремесло, но также читать и писать на английском и даже сносно разумел по-французски, будучи вынужден время от времени общаться с тамошними купцами. Не знал он разве что латыни, однако с латинской вязью рисунок на шлеме Уил едва ли бы спутал. Оставалось лишь предположить, что перед ним язык неведомого ему народа, вероятно, одного из тех, которые, судя по рассказам пилигримов, обитали в превеликом множестве за далекими горами где-то на востоке большой земли. Только вот кто и когда заслал сюда бедного рыцаря, сложившего буйную голову среди мертвого леса, да так, что об этом вторжении молчали местные хроники?

Уила одновременно обуревало столько невнятных вопросов, что он растерялся, не зная, с какого начинать. Ему, к примеру, не приходилось слышать, чтобы рыцари, даже не слишком благородные, передвигались пешком. Между тем нигде

поблизости не было видно останков коня или холма, под которым мог бы лежать скелет погибшего животного. Или взять те же кожаные ремни, что исчезли с заклепок на рукавицах вместе с истлевшей рубахой и прочими предметами обычной одежды. Уил помнил, как однажды при нем родственники приора вынимали из склепа останки своего пращура, почившего смертью праведника лет за семьдесят до того самого дня. Покойник превратился в такой же ужасный скелет, однако кожаные сандалии на его костлявых ногах выглядели нетронутыми могильным тленом. Сколько же нужно было просидеть здесь этому скелету, чтобы из всей одежды на нем осталось одно лишь чудесным образом сохранившееся железо? Сто, двести лет? Отчего он умер? От голода и жажды? От жары и истощения? Или его зверски убили? А может быть, тяжело ранили и бросили умирать одного, когда этот лес еще был живым и цветущим?

Уил повертел шлем. Ни вмятин, ни царапин. Только вязь по ободку да филигранная резьба с обоих боков и на затылке в виде развевающихся на ветру перьев. Сам череп, насколько позволяла видеть кольчуга, тоже был цел и невредим. Зато при более внимательном осмотре кольчуги с левой стороны груди открылась едва заметная прореха: что-то со страшной силой разорвало несколько соседних колец. Удар скорее колющий, чем рубящий. Очевидно, беднягу закололи копьем. Или пронзили мечом. Быть может, тем самым, что торчал сейчас из земли и смущал взгляд Уила богатством инкрустированной каменьями рукояти.

Некоторое время Уил даже не мог заставить себя притронуться к ней, так заворожили его мерцающие внутренним светом изумруды и рубины. Или то, что казалось изумрудами и рубинами, поскольку окончательно запутавшийся мозг Уила отказывался что-либо принимать на веру. Тем более что подобного размера изумрудов и рубинов ему не приходилось видеть никогда. Изумрудами была выложена левая сторона рукояти, рубинами — правая. Заканчивалась рукоять шаром из слоновой кости, который держала в когтях напряженная птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоять меча граничила с клинком, сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Вместо обычного острия Уил увидел странное раздвоение, делавшее клинок похожим на змеиное жало. Посередине лезвия с одной и с другой стороны тянулась такая же вязь, что и на шлеме. Уил взвесил меч в руке и ощутил внезапный прилив уверенности. Как бы ни мучил голод, теперь он достаточно вооружен, чтобы оказать сопротивление

любому и при первой же возможности успешно поохотиться. Было бы на кого.

Он даже заглянул через пустые глазницы внутрь черепа, ожидая увидеть копошащихся в нем червей, какие всегда заводятся в трупе, стоит тому пролежать на земле больше двух дней. Уил слишком хорошо помнил тот страшный год, когда ему с семьей пришлось скитаться по деревням, в которых норманны перебили всех жителей. Некому было убирать с улиц мертвых, и они гнили прямо между домами и на дорогах, вонючие и облепленные мухами и червями. Сейчас у него засосало под ложечкой, и он подумал, что, если б обнаружил в скелете какую-нибудь живность, наверняка бы не побрезговал, как тогда, и съел.

Череп был идеально чист. Если черви в нем когда-нибудь и жили, то давно сделали свое дело и уползли.

Уил расстелил на земле плед и стал складывать в него новые трофеи. Шлем мог пригодиться на случай нового дождя. Кольчуга едва ли, однако он решил для верности прихватить и ее. Если посчастливится выбраться из этого леса, кто знает, что ждет его дальше? Раз уж решил бороться за жизнь, нужно быть готовым ко всему. Подумав, не без труда стянул со скелета кольчугу. Она оказалась настолько тонкой, что он легко скомкал ее и положил внутрь шлема. Железные перчатки и щитки на ноги брать не имело смысла — они были слишком тяжелыми и бесполезными. Другое дело — меч. Уил огляделся в поисках ножен. Ни коня, ни седла, ни ножен, ни щита. Кто же приволок сюда этого несчастного?

Уил вышел из положения, обвязав концы пледа вокруг лезвия, после чего закинул меч на плечо, крепко взявшись за драгоценную рукоять. Бросил последний взгляд на развалившийся под деревом скелет. Развалившегося в прямом смысле слова, поскольку в результате снятия кольчуги у него оторвались обе руки и вывалилось несколько ребер.

Уилу всегда хотелось иметь собственный череп. Черепа были у всех монахов, обитавших в Уинчестерском монастыре, а некоторые из божьих братьев во время служб даже носили их привязанными к поясу. Считалось, что это мощи почивших в святости праведников, с которыми монахам предписывалось советоваться в часы раздумий и сомнений. Уилу же казалось, что монахи просто кичатся своими реликвиями и не испытывают от обладания ими ничего, кроме гордыни всевластия.

Вздохнув, он наклонился и поднял череп за костяную перемычку между глазными впадинами. Нижняя челюсть безвольно болталась и лязгала желтыми зубами. Откуда же ты прибыл, храбрый рыцарь, чтобы столь бесславно закончить свои

дни здесь, в этом пересохшем болоте?

Уил сам удивился своей догадке. А ведь действительно очень похоже на выжженное солнцем болото, деревья в котором сначала сгнили, а потом высохли, превратившись в труху. Он вспомнил, как радостно занималась эта труха пламенем, и его передернуло. Нельзя больше терять драгоценное время, пора в путь!

Сунув череп в мешок, Уил поправил меч на плече и побрел вперед, держась левее своей укорачивающейся тени.

Так он шел весь день, сделав всего два привала, но за это время выпив почти половину фляжки. В отличие от обжигающего горло эликсира, глотать пусть и теплую, но дождевую воду было куда приятнее, и он не находил в себе сил ограничиваться двумя-тремя глотками за раз. Кроме того, вода сразу же выходила обратно потом, и хотелось пить еще и еще.

Под вечер Уил как-то отчетливо понял, что вот-вот умрет. Соблазн допить фляжку и забыться последним блаженным сном, не думая об ужасе пробуждения, был слишком велик. Лежавший рядом меч колол его в бок, подначивая так и поступить. Уил вздохнул. Поднявшийся в сумерках слабый ветерок донес до него едва различимый запах хвои. Уил закрыл глаза, проваливаясь в безрадостное забытье, но потянул носом и встрепенулся. Сна как не бывало. Он вдыхал аромат живого леса!

Вскочив и даже не заметив, как сломал головой слишком низко наклонившуюся ветку, Уил определил, откуда дует легкий бриз, и устремился в том направлении через ночь, через мрак, через цепляющийся за ноги и руки сухостой, только вперед, из последних сил. Так сам собой переходит в галоп взмыленный конь, почуявший конец утомительного перехода и близость студеной воды и свежего сена.

С каждым десятком шагов ветер как будто даже усиливался. Ноги Уила уже не проваливались в труху, а твердо ступали по настоящей земле. Казалось, еще немного, и он разрыдается от счастья, упиваясь мыслью о том, что Господь не оставил его в беде и не дал погибнуть, не увидев в последний раз отчего крова.

Его окликнули. По-прежнему не видя ни зги, он удивленно повернул голову на зов и получил тяжелый удар по затылку. Уил почувствовал, что падает в пропасть, и потерял сознание.

— Он не похож на шеважа, — сказал Граки, в голосе которого послышалось удивление, сменившееся раздражением. — Дорого бы я дал, чтобы понять, на кого он вообще похож, только не на шеважа — это точно. Правильно, что не прикончили его на месте, а приволокли сюда. — Он свирепо глянул на собравшихся в просторной хижине людей. Некоторые невольно подались назад. — Но могли бы обождать до утра. Кому взбрело в голову будить

меня среди ночи? Тебе, Шиган?

Тот, кого назвали Шиган, могучего вида старик с гладко выбритой головой и длинной седой бородой, спокойно выдержал направленный на него взгляд, потер подбородок и задумчиво кивнул.

— Я решил, тебе захочется посмотреть вот на это, — негромко ответил он, и вынул из-за спины грязный мешок.

Увидев едва проглядывавшие сквозь толстый слой ныли переплетения окружностей, Граки хмыкнул и протянул руку. Шиган не спешил отдавать ему свою добычу. Он развязал узелки, и содержимое мешка, оказавшегося обычным куском материи, высыпалось на пол под ноги Граки.

— Тэвил! — выругался тот, отступая. — Что это за посуда?..

Граки не договорил. Взгляд его застыл на перекатывавшемся из стороны в сторону шлеме. Из шлема с шуршанием вывалилась скомканная кольчуга.

— А вот к чему этот малый привязал свой мешок. Фокдан, покажи-ка.

Фокдан, единственный оставшийся в живых из сыновей Шигана, такой же могучий и неторопливый в движениях, как отец, снял с плеча и шумно поставил перед собой длинную кожаную сумку. Все знали, что он носит в ней свои смертоносные стрелы. Одним рывком развязав тесемки, стягивавшие верх сумки, Фокдан сунул руку внутрь и извлек то, отчего у Граки перехватило дыхание: обоюдоострый меч с расщепленным клинком и повернутыми в противоположные стороны хищными орлиными головами. Между крепкими пальцами, сжимавшими рукоятку, проглядывали зеленые и красные драгоценные камни.

— Ты знаешь, что это такое, — чуть дрогнувшим голосом продолжал Шиган. — И потому я дерзнул разбудить тебя, чтобы ты сам посмотрел. Извини.

Некоторое время было слышно, как в тишине потрескивают факелы.

Скоро в хижине Граки собрались почти все воины заставы, кроме, разумеется, тех, кто находился в этот ночной час в карауле. Восемьдесят три видавших виды мужчины, покалеченные в нескончаемых битвах, хмурые и предпочитавшие словам действие. Они не умели складно говорить и размышлять вслух, но зато у них вот уже не один год получалось худо-бедно защищать эту часть Пограничья от набегов свирепых шеважа. Все уже знали, что произошло. Виновник их неурочного собрания был здесь же: странного вида исхудалый парень, непонятного возраста из-за преждевременной лысины, однако, судя по всему, явно нестарый, в изодранной рубахе и слишком широких для него

штанах, связанный по рукам и ногам, лежал под балкой, подпиравшей коньковый брус крыши, и едва слышно стонал. Сидевшие по бокам охранники не обращали на него внимания и слушали, что говорит Граки.

— Сегодняшняя ночь, братья, загадала нам трудную загадку. — Граки, не моргая, смотрел в жаркое пламя костра и задумчиво крутил в пальцах деревянный кубик для игры в совпадения. — Я даже не берусь сказать, что произойдет, если нам в конце концов удастся ее разрешить, но что-то произойдет наверняка. — Он подкинул кубик и не стал его ловить. Кубик покатился по доскам пола и замер между разложенными перед костром трофеями: человеческим черепом, блюдом, фляжкой, тонким ножом, шлемом, кольчугой и мечом, мерцающим всеми гранями усыпавших рукоять драгоценных камней. — Сначала давайте разберемся, как этот человек попал к нам. Кто его поймал?

— Поймали его мои люди, Брентан и Дамзей, — подал низкий голос воин в причудливом зеленом наряде: бурый плащ, в который он по привычке кутался, будто от холода, был сплошь в зеленых лоскутках. Издали могло показаться, что перед костром сложена куча листьев. Говорившего звали Гейвен. Он возглавлял отряд лазутчиков. — Когда я его увидел, он уже был без сознания. Дамзей уверяет, что парень напал на него.

— А где Дамзей сейчас? — Граки подобрал кубик. — Думаю, стоит расспросить его самого.

— Я велел обоим оставаться на дежурстве. Сегодня в лесу неспокойно. Похоже, гроза, что разразилась прошлой ночью, пришлась не по душе шеважа: за день мы дважды видели их костры.

— Совсем обнаглели, — пробурчал сидевший справа от Граки Шиган. — Когда был жив мой отец, эти твари не приближались к заставе ближе чем на три полета стрелы. А теперь разгуливают у нас под носом да еще костры жгут.

Его замечание осталось без ответа.

— Как это произошло? — напомнил свой вопрос Граки. Кубик скрылся в его широкой ладони.

— И Брентан, и Дамзей сходятся на том, что этот парень шел, вернее, бежал, со стороны Мертвого болота. Все, что они у него нашли, перед тобой. Похоже, он пришел с другой окраины леса.

Собравшиеся разом подняли возмущенный гул.

Граки отмахнулся, как от назойливой мухи:

— Ты ведь знаешь, Гейвен, что это невозможно.

— Знаю, но сдается мне, что сегодня ночью я в этом знании уверен меньше, чем когда-либо.

— Не ты ли докладывал мне последнее время, что шеважа

рыщут повсюду? Как же мог он пройти мимо них незамеченным? Да и Мертвое болото! Ты хорошо подумал, Гейвен? Парень не похож на героя, а ведь там сложили головы многие славные богатыри. И эти доспехи, и этот меч — не лишнее тому подтверждение.

Словно поняв, что речь о нем, пленник застонал громче.

— Что он там бормочет? — крикнул Шиган. — Если очнулся, давайте спросим его самого, пока не помер.

— Ты бы его сперва накормил да воды дал, а уж потом спрашивал, — заметил подошедший к костру юноша с улыбчивым лицом и копной светлых кудрей. Довольный произведенным на присутствующих эффектом, он пожал плечами и показал пример, подойдя к пленнику и вылив ему на лицо кружку холодной воды. Пленник закашлялся, открыл глаза и жадно облизнул губы.

— Локлан говорит дело, — согласился Граки. — Похоже, этому парню несладко пришлось.

— Он напал на моих людей, — напомнил Гейвен.

— Ты же сам этого не видел, — поднял руку Шиган. Разгладив на груди бороду, будто демонстрируя собравшимся, кто здесь старший если не по чину, то по возрасту, он продолжил: — Я бы не удивился, если б узнал, что твои храбрецы первые оглоушили его.

Кое-кто хохотнул. Гейвен благоразумно промолчал.

Пленнику развязали руки и принесли дымящийся котелок. Бедняга с неподдельной жадностью набросился на еду и стал, обжигая пальцы, вылавливать из котелка вареную морковь и репу и глотать не жуя.

— Но-но, поосторожнее, приятель! — засмеялся Локлан, скаля белые зубы. — Так и лопнуть недолго. Отберите у него котелок и дайте побольше воды.

Присутствующие с нескрываемым интересом наблюдали, как незнакомец захлебывается, опрокидывая на себя содержимое принесенного кем-то черпака. На всю трапезу у него ушло не больше двух минут. За это время он почти пришел в себя и теперь сидел под балкой, воровато оглядываясь.

— Эй, кто ты такой? — окликнул его Граки. — Имя у тебя есть?

Пленник закивал и что-то ответил, но никто его не понял.

— Язык вместе с репой проглотил, что ли? — усмехнулся Граки. — Говори по-человечески!

Парень замешкался, словно подыскивая слова.

Уил уловил, о чем допытывается этот дикого вида детина с зеленой повязкой на голове и в кожаной безрукавке, оставлявшей голыми мускулистые загорелые руки, однако отвечать не спешил.

Взявшие его в плен люди говорили на странном диалекте английского языка, одни слова проглатывая, другие — неимоверно растягивая, но это было еще не самым худшим. Хуже всего, что каждый из них имел при себе оружие, а у него даже ноги по-прежнему оставались связанными. Правда, они дали ему поесть, но боль в затылке слишком отчетливо напоминала о том, как он здесь оказался.

— Я Уил, — проговорил он наконец. — Торговец шерстью из Уинчестера, что в Уэссексе. Вообще-то меня зовут Уилфрид Гревил, но для друзей я Уил. Рад знакомству.

— Что он сказал? Кто-нибудь понял? — Граки раздосадованно посмотрел на Локлана. — На язык шеважа тоже не похоже.

— Кажется, он говорит, что наш друг, — озадаченно почесал голову Локлан. — А зовут его Вил, если не ошибаюсь.

— Ты — Вил? — снова обратился Граки к притихшему пленнику.

— Уил, Уил! — закивал тот, радуясь, что его в конце концов поняли.

— Зачем ты напал на наших воинов?

Пленник по имени Вил пожал плечами. Очевидно, он ожидал услышать продолжение вопроса.

— Вот бестолочь, — сплюнул Граки, разглядывая свой кубик. — Ладно, спрошу по-другому. — Он поднял глаза на собеседника и снова сжал кубик в кулаке. Кулак при этом побелел. — Что ты делал на Мертвом болоте?

Как ни странно, при этих словах Вил оживился, глаза его вспыхнули нехорошим огнем, он весь сжался и стал быстро-быстро бубнить себе под нос:

— Н-да, блот, блот, мерт блот…

— Вот видите, он сказал «да»! — подал голос Гейвен. Вероятно, он все еще рассчитывал, что этот ответ примут за признание в совершенном нападении.

Никто его не поддержал.

— Мне показалось или его язык действительно схож с нашим? — хмыкнул Граки. Вопрос относился к Локлану, который уже встал со своего места и теперь опустился на корточки перед пленником. Тот смотрел на юношу вопросительно, но без страха.

— «Мерт блот» — это Мертвое болото? — поинтересовался Локлан, не обращая внимания на смешки наблюдавших за ними воинов.

Пленник на мгновение задумался, кивнул и с некоторым трудом произнес:

— Мертвое болото…

Собравшиеся в хижине дружно загоготали.

— Тихо! — прикрикнул Граки, подняв руку. Когда все замолчали, продолжил, чеканя каждое слово: — Послушай, Вил, ты хорошо понимаешь мои слова?

— Храшо, храшо, — согласился пленник. — Я хчу що жорить…

— Жрать хочет, — оскалился Шиган, хотя все и так поняли смысл сказанного. — Эдак мы его никогда не прокормим. Разве что сами с голодухи помрем.

Граки между тем сделал знак, чтобы пленнику принесли еще поесть. Пока тот с прежней жадностью уплетал буханку хлеба и ломти вяленого мяса, Граки обратился к негромко переговаривавшимся меж собой воинам:

— Что будем с ним делать, братья? Этот человек, который называет себя Вилом, пришел к нам один, вооруженный, но не своим оружием. Он говорит на чужом языке, но все мы так или иначе понимаем его. И что бы здесь ни придумывал Гейвен, сдается мне, что ни на кого он в лесу не нападал.

— Я не придумываю, — буркнул Гейвен.

— Пусть Дамзей и Брентан оба явятся ко мне утром. Я хочу поговорить с ними. Если бы он действительно хотел напасть на них, то с таким мечом, я думаю, одному из них наверняка бы не поздоровилось. Остается сделать вывод, что наш прожорливый Вил не умеет с ним обращаться.

— Кажется, он говорил, что торгует чем-то? — заметил Локлан.

— Ты думаешь? — недоверчиво протянул Граки. — Эй, Вил, ты — торговец?

Торопливо прожевывая хлеб, пленник утвердительно кивал, а когда проглотил, сказал:

— Трговц, н-да.

— Ну что ж, — подхватил Шиган, — это объясняет, почему в предполагаемой схватке с нашими лазутчиками меч Дули ему не пригодился, но зато тем непонятнее, как торговец мог пройти через Мертвое болото. Ни о чем подобном мне не приходилось слышать. Что-то здесь явно не так. Если только его не заслали к нам шеважа.

— Речь идет не только о мече Дули, — сказал Граки. — Похоже, этот парень вместе с мечом раздобыл доспехи Дули и даже часть его самого. — Он уронил кубик, и тот послушно подкатился к черепу. — Признаться, никогда не думал, что увижу останки Темного Бойца.

При звуке этого имени все присутствующие, не сговариваясь, склонили головы и с почтением приложили сжатые кулаки к

левой стороне груди. Только пленник продолжал жевать и недоуменно смотрел по сторонам.

Уил делал вид, будто понятия не имеет, что происходит вокруг. Обитатели хижины говорили быстро, однако он уже начал разбирать их непривычную речь и понимал, что идет она о нем и о его пожитках. Судя по всему, он, сам того не желая, завладел чем-то довольно ценным. Имя обезглавленного теперь скелета было, вероятно, Дули. Красноречивые жесты воинов свидетельствовали о том, что его здесь почитали. А озадаченные, но беззлобные взгляды — что его, Уила, вроде бы не подозревают в убийстве.

У хлеба был странный привкус — как будто в ржаную муку добавили какой-то травы, — однако голод постепенно проходил, сменяясь ощущением упоительной пресыщенности. Все тело теперь не болело от усталости, а приятно ныло. Даже голова больше не раскалывалась.

Уилу захотелось одного — спать.

— А парень-то того, заснул, — сказал сидевший рядом с пленником охранник, на ногу которого пролилась вода из упавшего черпака. — Может, притворяется? Давайте заново его свяжем.

— Никаких связываний. — Граки встал. За ним поднялся Шиган, — Сдается мне, Ракли будет недоволен, если узнает, как мы обращаемся с человеком, пришедшим к нам из неведомых земель да еще принесшим такие трофеи. Как ты считаешь, Локлан?

— Мой отец, как и все мы, свято чтит память Дули, — охотно отозвался кудрявый юноша, внимательно изучавший надпись на шлеме. — И если этот Вил, который спит сейчас так, будто точно знает, что находится среди друзей, в самом деле пересек Мертвое болото и каким-то чудом миновал рыскающие по всему Пограничью отряды шеважа, он будет принят в Тронной зале с подобающими почестями. Я согласен с Граки.

Остальные воины закивали. Поймав на себе чей-то вопросительный взгляд, Гейвен тоже наклонил голову, а когда поднял глаза, Граки и Шиган уже расходились по своим ложам. Скоро в хижине не осталось никого, кроме хозяев да сладко похрапывающего Вила.

Проснувшись, Уил некоторое время лежал на спине с открытыми глазами и думал. Впервые за несколько последних ночей он спал сном праведника, позволившим ему забыться сладкими грезами, и теперь не сразу осознал, где находится.

Потолок, выложенный тугими снопами соломы, с перекрестьями тонких несущих жердей был выше, чем в обычном

деревенском амбаре, однако развешанные под ним заготовки еды, какие делают заботливые хозяева на зиму, живо напомнили Уилу отчий дом. До его женитьбы всем хозяйством заправляла мать, и часто заставляла Уила помогать ей прилаживать на потолочных балках, повыше, чтобы не дотянулся живший здесь же скот, всевозможные гирлянды из пахучих трав, терпкого чеснока, вяленой рыбы, мяса и лесных ягод, которые потом так вкусно было добавлять в густое домашнее вино вместо обычных пряностей вроде перца, имбиря или гвоздики.

Прямо с потолка на Уила глядела свирепая кабанья морда.

Уил резко вскочил на ноги, схватился за правое бедро, где должен был висеть нож, и удивился. Ножа, разумеется, не было, но не было также и пут, в которых его продержали вчера почти весь вечер. Или ночь? Неважно, зато его больше не связывали. На память пришел конец вчерашнего разговора на военном совете. Насколько он понял смысл сказанного, молодой воин с приветливым лицом упомянул, что Уила отведут в какую-то залу. Это могло означать все что угодно, кроме одного — что ему снова придется изнывать от голода и жажды в том страшном лесу, который даже здешние обитатели окрестили Мертвым болотом.

Факелы были потушены, однако некоторые по-прежнему чадили. Свет в помещение проникал теперь с улицы: через открытый дверной проем и многочисленные щели в потолке и стенах.

Никого из своих новых знакомых Уил не увидел. При этом он обратил внимание, что спят здесь не на полу, как селящиеся в подобных хижинах английские крестьяне, и не на кроватях, что позволяют себе относительно зажиточные горожане, каким совсем недавно был и он сам, а в довольно грязных широких гамаках. Гамаки висели между балками вдоль дальней от входа стены. Даже со своим скудным боевым опытом Уил сообразил, что подобные удобства могут быть достаточны разве что для людей сугубо военных, чей быт предполагает почти полное отсутствие женщин.

Пол в хижине был добротным, деревянным, что и следовало ожидать от лесного жилища. Место для костра окружали среднего размера камни. Сейчас кострище было накрыто, как щитом, круглым листом кое-где проржавевшего металла. От него по всему помещению растекалось приятное тепло.

Уила удивило отсутствие обычного для подобных хижин запаха затхлости. Собственно, единственным запахом был аромат дерева, смешанный со свежестью леса. Казалось, так донимавшая его все это время жара отошла в безвозвратное прошлое.

Благо ничто не удерживало его теперь, Уил поспешил на

улицу. Уже в дверях он столкнулся с тем самым детиной с зеленой повязкой на голове, который вчера вел военный совет. Кажется, его все называли Граки.

Граки остановился и скрестил на груди руки, словно специально демонстрируя игру мышц под загорелой кожей. Зрелище было настолько впечатляющим, что Уил невольно попятился внутрь хижины. Воин самодовольно ухмыльнулся и что-то сказал. На «доброе утро» это похоже не было.

— Какого рожна ты тут крутишься? — поинтересовался Граки, посмеиваясь про себя над потрясенным видом ночного гостя. Парень явно только что проснулся и выглядел слегка ошарашенным. Он был довольно высок, худощав, насколько позволяла судить висевшая на нем бесформенным мешком одежда, и молод, хотя чернявую шевелюру уже обезобразила расползающаяся по макушке лысина, делавшая его похожим на проповедника, — Если ты насчет пожрать, так до полудня придется обождать. Вил, так тебя, кажется, зовут?

Услышав знакомое слово, парень изобразил на побледневшем лице улыбку и закивал. Он совершенно не походил на того героя, который мог бы в одиночку не то что пробраться через кордоны шеважа и Мертвое болото, но даже наколоть дров, не поранив руку. Между тем Граки только что закончил допрашивать Дамзея и Брентана и мог бы поклясться, что опытные лазутчики перед ним не юлили, когда во всех подробностях рассказали, как сперва услышали, а потом и различили в сгущавшихся сумерках отчаянно бегущего прямо на них человека с мешком за плечами.

Они честно признались, что оглоушили его «на всякий случай», поскольку ни один шеважа не позволил бы себе подобной беспечности, тем более вблизи заставы: незнакомец мчался напролом, не обращая внимания на ломающиеся ветки и поднимая невообразимый шум. С таким же успехом он мог бы стать легкой добычей для самих шеважа. Оружие они обнаружили при нем, только когда стали обследовать распростертое на земле тело. Оба сразу же признали легендарный меч Дули: сумасшедший пользовался им как палкой для поклажи.

Выходило, что этот Вил, каким бы простаком он ни прикидывался, и в самом деле вышел из Мертвого болота, куда с незапамятных времен не ступала нога воина михт'вабонов. Последним, кто отважился предпринять эту безрассудную попытку, и был герой многочисленных преданий по имени Дули, однако поступил он так не по доброй воле, а вынужденный спасаться бегством от полчищ могущественных тогда шеважа. Кроме рассказов о великих подвигах Дули до сего дня дошли описания его верного коня Руари, великолепных доспехов,

выкованных знаменитым мастером железных дел Эшем, и непобедимого оружия: копья, щита и меча. Все вабоны слышали эти описания с самого детства и наизусть знали надписи, украшавшие шлем и меч Дули, правда, ни Граки, ни любому другому воину его заставы, включая старого Шигана, никогда прежде даже в голову не могло прийти, что все это реальная история их славного народа, а не красивые сказки седой старины.

И вот теперь, когда у них в руках оказались неопровержимые доказательства существования и гибели великого Дули, более того, не только часть его оружия, но и чудесным образом сохранившийся череп, выяснялось, что виновником этого замечательного открытия выступает тщедушного вида чужеземец, едва понимающий, чего от него хотят.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил на всякий случай Граки, продолжая внимательно разглядывать собеседника.

Парень прислушался к тону его хриплого голоса и кивнул:

— Грак?

— Граки! — поправил тот.

— Гра-ки.

— Вот именно. — Почему он так странно коверкает простые слова? — А ты кто?

— Вил.

— Знаю. Я не спрашиваю, как тебя зовут. Кто ты?

— Трговц. — Парень непонимающе хлопал глазами.

Чего ему опять от меня нужно? Вот заладил: как зовут да кто такой! Уже ведь спрашивали. Лучше бы про себя рассказал. На шотландца не похож. Говорит почти как ирландец, но тех вообще без кружки эля не разберешь. А тут слова все вроде знакомые, да только звучат как какая-то бессмыслица.

Их окликнули. Граки повернулся, и у Уила появилась возможность проскользнуть мимо него на улицу. Он не преминул ею воспользоваться, но вовсе не затем, чтобы обратиться в бегство. Если ему здесь и не были рады, то во всяком случае его не сажали под замок и даже кормили. А это чего-то да стоило. Кроме того, стоя в двух шагах от хижины, Уил уже мог составить вполне отчетливое представление о том, где оказался.

У него дома это называлось «маунт-энд-бейли», то есть «холм-и-двор». Несколько домов окружали высокой изгородью и поелику возможно глубоким рвом. Внутрь ограды снаружи вела только одна дорога, проходившая через мост над рвом, и укрепленные ворота. С противоположной стороны через точно такие же ворота можно было попасть на деревянный помост, уводивший вверх, на рукотворный или естественный холм, на вершине которого располагался донжон, или главная башня,

последний и основной оплот обороны для тех, кто жил в подобной крепости и подвергался осаде. Англичан искусству постройки маунт-энд-бейли научили норманны. До их прихода холм с донжоном находились внутри общей стены, и при удачном штурме укрывшиеся там люди бывали почти всегда обречены. В норманнской конструкции сам холм тоже окружал отдельный ров, а деревянный помост наверху упирался в очередные ворота. В случае вторжения в первый ярус укреплений, где находились казармы для воинов, склады и конюшни, и при попытке взять штурмом холм, защитники последнего легко разрушали помост, и задача нападавших значительно усложнялась.

Не слишком разбиравшийся в фортификационных сооружениях Уил тем не менее сразу заметил основное отличие: у него дома крепости такого рода возводились без всяких излишеств, чаще всего в открытом поле. Здесь же повсюду росли деревья, отчего создавалось впечатление, будто крепость построена прямо среди леса. Собственно, так оно и было. Кроме того, о существовании рва Уил мог только догадываться. Он видел забор из бревен в три человеческих роста с галереей по всему периметру, по которой прохаживались вооруженные люди, то и дело выглядывая наружу через маленькие окошки.

Окликнул Граки тот самый юноша, благодаря которому Уила вчера ночью накормили. Он сбегал по помосту от донжона и приветливо махал рукой. Миновав ворота, он перешел на шаг и попытался придать себе степенный вид, насколько позволяла широкая улыбка.

На нем была полотняная рубаха до колен, перехваченная на талии кожаным ремнем, и мягкая кожаная обувь, делавшая его шаги почти бесшумными. Граки что-то сказал ему, но юноша только отмахнулся и сосредоточил все внимание на Уиле.

— Ходить по заставе без кольчуги опасно, — заметил Граки. — Стрелы шеважа бьют наповал.

— Надеюсь, среди нас шеважа нет. А тех, что приблизятся к стенам на расстояние выстрела, ждет достойная встреча. Разве не так?

Локлан упреждающе поднял руку, как бы защищаясь от возражений Граки, и подошел к новому знакомцу, назвавшемуся накануне Вилом. Тот стоял с видом человека, привыкшего вести себя с достоинством, однако оказавшегося в чужой для него обстановке и потому внутренне напряженного.

— Привет, Вил! Долго же ты спишь, однако, — сказал Локлан, нарочно укорачивая слова, чтобы, как ему казалось, собеседнику было понятней. — Завтракал?

— Не, — замотал головой лысый парень. — Граки говорит, до

полудня еды нету.

Бровь Локлана подозрительно поднялась. Слушавший их странную беседу Граки пожал плечами.

— Завтрак я давно раздал моим людям, а обед еще не готов. У нас осталось не так много провизии, чтобы разбазаривать ее направо и налево.

— Я думаю, что гостям не должно быть дела до твоих забот.

— За последнее время ты — мой единственный гость, — буркнул Граки.

— И тем не менее для меня у тебя всегда что-нибудь да найдется, — подмигнул ему Локлан, делая вид, будто не замечает хмурого взгляда собеседника.

Еще бы у меня не нашлось, чем угостить сына Ракли, подумал про себя Граки, а вслух произнес:

— Да, Локлан.

— Идем ко мне, — сказал юноша, дружески обнимая Вила за плечи. Вил поежился, но не отстранился. — У меня еще остался кувшин доброго старого вина. А заодно выясним, каким ветром тебя занесло в наши земли, — добавил он тише, однако Граки показалось, что он сделал ударение на слове «наши».

Граки следил, как они поднимаются по деревянному помосту к главной башне заставы, во время частых визитов служившей Локлану и домом, и крепостью, и наблюдательным постом. Будь он просто парнем, а не сыном Ракли, Локлан нравился бы Граки куда больше. Храбрый до безрассудства, добрый и справедливый, он чем-то неуловимым напоминал Граки его собственного старшего брата, Кедика. Тот возглавлял гарнизон заставы до того самого дня, когда рука предателя сняла засовы с наружных ворот, и разбуженным среди ночи защитникам пришлось сражаться с превосходящими силами шеважа прямо здесь, на своей территории. Тогда вабоны продемонстрировали чудеса мужества и выстояли, не подпустили врага к башне, где укрылись их жены и дети. Кедик храбро сражался в первых рядах и пал в неравном бою сразу с тремя шеважа. Услышав шум разгоравшейся битвы, он так поспешил, что позабыл о кольчуге, и в решительный момент это сыграло с ним злую шутку. Совсем еще молодой тогда Граки попытался помочь брату и избавить его хотя бы от одного из нападавших. Положившись на меткость своего верного лука, он выпустил подряд две стрелы с зазубренными наконечниками и оба раза промахнулся: первая лишь оцарапала рыжему дикарю небритую щеку, зато вторая впилась Кедику под лопатку, и он рухнул замертво, сопровождаемый яростными ударами двух вражеских дубинок.

Расплатой за чудовищную ошибку стала вся последующая

жизнь Граки. Особенно по ночам, когда он оставался один на один с собой, неуемная совесть во всех красках рисовала перед ним страшные мгновения той кровавой бойни. Граки убеждал себя, что, если б знал об отсутствии кольчуги, стрелял бы куда осторожнее, а то и вообще не взялся бы за лук, хотя считал его своим лучшим оружием. Тем более горько было ему думать о гибели Кедика, что истинной ее причины так никто никогда и не узнал: в то время Граки пользовался стрелами, которые они с братом захватили в качестве трофеев при удачном набеге на соседнее поселение шеважа. Когда застава была наконец отбита и труп Кедика обнаружили вместе с рыдающим над ним Граки, все решили, что он героически пал от руки метких дикарей. Граки в честь брата даже предложили стать проповедником его культа, который неминуемо должен был возникнуть, если учесть обстоятельства той злосчастной битвы и неравенство сил. Граки отказался, что было воспринято как проявление скорби и достойной скромности. Проповедником сделался давнишний друг Кедика, Шиган. Кроме того, с тех пор по всем заставам был разослан приказ Ракли, строго-настрого запрещавший женам и детям воинов селиться вместе с мужьями и отцами, чтобы не подвергать их жизни напрасному риску. Хотя при том ночном штурме погибла и мать Граки, сам он теперь, по прошествии многих зим, считал, что застава наверняка пала бы, не думай ее защитники о своих родных, судьба которых зависела от их мастерства и отваги. К счастью, проверить эту его догадку до сих пор не представлялось возможным, поскольку умелое расположение новых застав и активные действия войск Ракли, то и дело прочесывавших Пограничье, привели к тому, что силы шеважа оказались разрозненны и уже не представляли серьезной угрозы для хорошо укрепленных лесных крепостей вабонов. Вернее, пока не представляли.

Граки бросил последний взгляд вслед удаляющимся фигурам и направился к узкой деревянной лестнице, одной из трех, по которым защитники заставы, называемые здесь линт'эльгяр, поднимались на оборонительные галереи, или ранты. Отсюда через узкие бойницы открывался хороший вид на опушку окружавшего заставу со всех сторон леса. Раньше, когда отрядов шеважа в этих местах не водилось и первое укрепление строилось главным образом для защиты жителей от диких зверей, лес начинался от самой стены. Но человек оказался умнее и страшнее любых хищников. При отце Ракли, когда Граки еще не было на свете, тогдашняя застава пала при первом же штурме: дикари забирались на деревья и с них беспрепятственно спрыгивали на ранты. В результате на несколько долгих зим застава отошла во

владение шеважа, которые, к счастью, не додумались ее переделать и хоть как-то укрепить. В конце концов молодой Ракли отбил ее и первым делом приказал на много шагов вокруг вырубить деревья, а вместо них выкопать глубокий ров.

С того места, где сейчас стоял Граки, рва видно не было, однако он легко мог представить себе припорошенный листвой частокол из врытых в дно заостренных кольев. Открытое пространство перед лесом, ров, колья, стена из толстых бревен, летящие через бойницы стрелы, вооруженные мечами воины на рантах — все это теперь предстояло преодолеть неприятелю, если бы он захотел помериться силами с бесстрашными эльгяр. Конечно, Граки предпочел бы, чтобы все на заставе было сложено из камня — и стены, и здания, и дома. Но камень у вабонов всегда считался роскошью, а дерева было в достатке. К сожалению, дерево имело свойство гореть, и Граки опасался дожить до того дня, когда шеважа догадаются пускать в заставу огненные стрелы. На всякий случай вдоль рант стояли большие кадки с водой, однако в душе Граки сомневался, что в нужную минуту они действительно пригодятся: снопы соломы, которыми вабоны по традиции выкладывали крыши домов, в мгновение ока превращались в пылающие факелы.

— Все спокойно? — спросил Граки подошедшего к нему предводителя утренней смены эльгяр по имени Дайлет. Тот имел привычку хитро щуриться и смотреть с вызовом даже на старшего по званию. Сейчас он позевывал и всем своим видом давал понять, что считает занятие дозорного самым бестолковым на свете.

— Хид на заре подстрелил зайца, а тот возьми да и свались в ров. Теперь будем тянуть жребий, кому лезть за добычей. Победителю достанется шкурка и стрела.

— Ничего умнее вы, разумеется, придумать не могли! Еще только не хватало снимать кого-нибудь из вас с кольев. Совсем распустились! Дайлет, ты ведь знаешь, что я не люблю эти ваши игры. Люди забывают, что такое дисциплина.

— Зато без этих игр они забудут, как держать лук в руках и как далеко разят их стрелы, — спокойно ответил воин, поправляя продырявленный в двух местах камзол, надетый прямо поверх тяжелого металлического панциря. — К тому же, как я слышал, вчера к нам прибыл чужеземный посланец, причем прибыл с той стороны Пограничья. Не знаю, кому как, а мне сдается, что уже по одному этому можно судить: шеважа уходят восвояси.

— Уж больно ты скор на выводы, — оборвал его Граки, который терпеть не мог, когда его собственные мысли раньше него высказывал кто-нибудь другой. — Тебя послушать, так нам

всем пора по домам.

— Я бы не отказался. — Дайлет снова прищурился и посмотрел на небо. — Сейчас самое время урожай собирать. Надеюсь, мои два обалдуя не сидят сложа руки и помогают жене и дочке в поле. А еще надеюсь, что им никогда не придется торчать на этой заставе после моей смерти.

— Думаю, это зависит и от нас с тобой, — примирительно заметил Граки, смягчавшийся всегда, когда речь заходила о делах семейных. Многие знали эту его особенность и умело пользовались ею, если видели, что командир вот-вот выйдет из себя. — Ладно, ступай. Пусть и дальше дежурство будет легким. А зайца оставьте в покое.

Дайлет по привычке приложил кулак к сердцу и, не говоря больше ни слова, чтобы не спровоцировать новых нравоучений, направился по рантам в сторону главных ворот. Там он рассчитывал застать большую часть своей смены.

Обычно его люди несли дежурство в ночное время, когда более ценно умение видеть, чем слышать, поскольку каждый звук ночью раздается явственней, нежели днем, зато ночная темень скрывает многое из того, что происходит в округе. Однако в последнее время обстоятельства сложились таким образом, что Граки решил отпустить часть воинов на очередную побывку по домам, и оставшимся на заставе приходилось дежурить за двоих. Никто по этому поводу не роптал, зная: в следующий раз домой уйдут они, а заменить их предстоит тем, кто вернется. Отпуск мог сорваться лишь в том случае, если ситуация в Пограничье снова обострится и в боевую готовность будут вынуждены прийти все смены на всех заставах.

Самым зорким и опытным в отряде, не считая Дайлета, был Хид, простоватый малый, родившийся в одной с ним деревне, правда, зим на десять позже. По этой причине Хида считали любимчиком Дайлета, однако ни тот ни другой так не думали. Просто Шелта, единственная дочь Дайлета, избрала Хида своим мужем и теперь ждала от него ребенка, который должен был появиться на свет ближе к зиме. Слова Граки насчет дурацких игр и острых кольев смутили Дайлета, хотя он прекрасно понимал, что его воины, а тем более Хид, не большие дети, как считал, по своему обыкновению, Граки, а вполне взрослые люди, которые отвечают за свои поступки и думают не только о сиюминутном развлечении, но и о последствиях. Все они по меньшей мере дважды за последние пять зим смотрели в лицо смерти и видели, как на стенах заставы гибнут их товарищи, подставившись по неопытности под острые стрелы шеважа. Вместе с тем вот уже почти три года как ничего подобного не происходило. Судя по

донесениям лазутчиков, шеважа никуда не исчезли. Вероятно, они просто копили силы для новых атак, однако возникшее затишье заметно расхолаживало воинов. Не зря даже Шиган распорядился, чтобы не реже раза в месяц на заставе проводились турниры на звание лучшего стрелка эльгяр. Если в состязаниях принимал участие Граки, основное соперничество разыгрывалось между ним и Хидом. Последние два раза Граки пропускал турниры и безоговорочным победителем выходил Хид. Предполагалось, что в этом месяце Граки все же выступит и докажет, кто здесь самый меткий лучник.

Ворота заставы представляли собой подобие хижины, поднятой на высоту стен. Бойницы здесь были такими же узкими, как и везде, но располагались чаще и позволяли простреливать не только всю видимую опушку леса, но и ров с подъемным мостом. В отличие от того моста, путь через который вел на холм с главной башней и который поднимался обычным способом — веревками с тяжелым противовесом, тут опытные строители проявили недюжинную смекалку и сделали конструкцию, практически неуязвимую снаружи. Когда впервые было принято решение окружить заставу рвом и выкорчевать все близстоящие деревья, мост возвели по образу и подобию большого моста в фамильном замке Ракли. Но тогда строители не учли одно немаловажное различие: в замке все подъемные механизмы крепились калеными железными цепями, а лесная застава была ограничена в материалах. Использование прочных, но обыкновенных веревок привело к беде. Веревки со временем перетерлись, и в самый неподходящий момент мост рухнул, открыв путь обрадованным дикарям, которые как раз шли на приступ. Потом на заставе поговаривали, что на самом деле момент, напротив, был даже слишком подходящий — правда, не для эльгяр, — чтобы оказаться случайностью, но в предательстве так никого и не заподозрили. Зато мост с тех пор переделали основательно. Под воротами со стороны заставы была вырыта глубокая прямоугольная яма. Середина моста лежала ровно на краю обращенного ко рву края и крепилась к земле и боковинам ворот специальными шарнирами. Тот конец моста, что смотрел внутрь заставы, по-прежнему удерживали веревки. Но теперь при их обрыве происходило обратное действие: вместо того чтобы безвольно упасть на ров и открыть дорогу нападавшим, сорвавшийся мост под тяжестью противовеса вставал вертикально и превращался в непреодолимую преграду. Это простое решение настолько приглянулось на других заставах, что до Дайлета доходили слухи о чуть ли не повсеместной перестройке укреплений.

Пол в надвратной хижине был сложен из неплотно прилегающих друг к другу досок, благодаря чему находившиеся в ней воины могли наблюдать за тем, что происходит внизу, а при необходимости — лить на головы штурмующих кипяток или горячую смолу.

Сейчас здесь сидело четверо эльгяр, среди которых выделялся невысокий, но широкий в плечах и коренастый воин зим тридцати, облаченный в бурый камзол из дубленой шкуры ягненка с кольчугой в наиболее уязвимых местах и зеленые гамаши. На ногах у него была легкая кожаная обувь с подбитой войлоком подошвой и с ремнями, крест-накрест обвивавшими икры. Рыжую шевелюру воина, из-за которой он еще в детстве получил прозвище «шеважа», украшала зеленая шапочка-колпак: на боевом дежурстве поверх нее следовало надевать шлем, однако день снова обещал быть жарким, так что даже Дайлет сквозь пальцы смотрел на это отступление от правил. Тем более что зеленый колпак живо напоминал ему о дочери, собственноручно его сшившей. Ибо носивший его рыжий воин и был Хидом.

Остальные стражники выглядели значительно старше своего соратника и походили друг на друга безупречностью доспехов: кругловерхий шлем с кольчужной пелериной, пластиночный панцирь, надежно закрывавший весь торс, ниже пояса — кольчужный передник, доходящий до середины подола длинной, как женское платье, рубахи, из-под которой выглядывали мыски таких же, как у Хида, кожаных ботинок. Эти воины немало повидали на своем веку и предпочитали томиться в латах, но зато в любой момент быть готовыми к обстрелу нежданного противника. Вот с кого Хиду не мешало бы брать пример, подумал Дайлет, а вслух сказал:

— Локлан забрал чужеземца к себе. Граки от этого стал только мрачней. Ругается, что мы тут по зайцам стреляем. Как будто может предложить цель получше.

При упоминании зайца Хид самодовольно улыбнулся, а один из стражников заметил:

— Теперь всем хочется быть поближе к парню, который раздобыл доспехи Дули. Пусть даже никто не знает толком, откуда он взялся и на каком языке говорит.

— Мне показалось, Локлан с ним разговаривает, — возразил другой стражник. — Да и вчера у костра, когда его кормили, он мычал чего-то такое, довольно понятное. Типа «я торговец, и зовут меня Вил». Все слышали.

— Нынче главное — кто услышит историю про то, как он нашел место гибели Дули на Мертвом болоте, — снова заговорил

Дайлет. — Вы заметили, как ловко Локлан оттеснил Шигана?

— А при чем тут Шиган? — снова взял слово Хид. — Его дело — проповедовать культ Кедика.

— Проповедники все заодно, — согласился с Дайлетом молчавший до сих пор стражник по имени Саннак. Он устало снял шлем, и всем стало видно, что его шапочка промокла от пота. — Интересно, у него ли сейчас принесенные чужестранцем трофеи?

— Или у Граки? — предположил Дайлет.

— Или уже у Локлана, — утвердительным тоном добавил Саннак. — Лишь бы они теперь не перегрызлись, кому везти их в замок. Вы не помните рассказ о том, что случилось, когда один рыбак выловил в Бехеме лоскуток знамени Адана?

Адан был героем преданий не менее знаменитых, чем предания о Дули, хотя совершал он свои подвиги раньше последнего зим на сто. История, о которой говорил сейчас Саннак, произошла тоже достаточно давно, чтобы стать легендой, однако передавалась она из уст в уста лишь народной молвой. Проповедники о ней умалчивали. Вероятно, потому, что она служила примером алчности, свойственной даже тем, кому надлежало заботиться о чистоте людской совести. Хид признался, что не слышал этой истории. Специально для него Саннак, поглядывая на Дайлета, вкратце объяснил:

— Рыбак, который нашел знамя Адана, погибшего, как ты знаешь, при попытке перейти через Бехему, так обрадовался своей находке, что поспешил доставить ее прямиком в замок. На свою беду он совершенно забыл, что должен по традиции первым делом поставить в известность одного из проповедников. О том, что он нашел в реке, знал только его сын. Так вот, оставив сына за старшего, рыбак направляется в замок и первым, кого он там встречает, оказывается проповедник культа одного из героев, сегодня позабытого. По-видимому, позабытого не зря, потому что проповедник, вопреки Закону, искал славу себе, а не тому, кого избрал своим кумиром. Как бы то ни было, рыбака никто больше не видел, а лоскуток знамени выставлялся потом на всеобщее обозрение как реликвия, найденная проповедником Адана. А вовсе не пропавшим рыбаком. Проповедник же забытого героя доживал свои годы в достатке и процветании. Говорят, его могила до сих пор существует и приносит доход потомкам.

— Откуда нам знать, что сын того рыбака не соврал? — сказал Хид.

— Но отец-то его пропал!

Воцарилась тишина. До слуха воинов долетела перекличка птиц в залитом жарким солнцем лесу. Человеку неопытному

могло бы даже показаться, что это вовсе не птицы, а прячущиеся за деревьями шеважа подают друг другу сигналы перед началом штурма.

Сейчас уже никто доподлинно не знал, каким образом в лесах на всем протяжении Пограничья появились первые шеважа. На этот счет у вабонов бытовало несколько мнений. Сторонники первого, коих было меньшинство, полагали, что шеважа, или «дикари», в незапамятные времена пришли из-за Мертвого болота и заняли лес чуть ли не раньше, чем здесь обосновались вабоны. По этой гипотезе получалось, что шеважа имели больше прав на здешние земли, и в роли захватчиков, следовательно, выступали не они, а сами вабоны. Гипотеза эта имела по меньшей мере два уязвимых места, на которые всегда обращали внимание ее многочисленные критики. Во-первых, она не отвечала на вопрос, откуда же тогда пришли вабоны, если только они не испокон веков жили здесь, вдоль Пограничья, в долине реки Бехемы. Во-вторых, не объясняла, почему шеважа настолько отставали от вабонов в государственном развитии, оставаясь все это время довольно разрозненными племенами и к тому же обладая только самым примитивным оружием.

Сторонники второго мнения соглашались на определенный компромисс. Они допускали, что шеважа могли прийти из-за Мертвого болота, но считали, что произошло это относительно недавно, зим за триста до описываемых событий, когда летописцы впервые стали отмечать в своих записях кровавые стычки с полудикими обитателями лесов Пограничья. Веривших в правоту этой гипотезы среди вабонов было большинство.

Наконец еще одно мнение, разделяемое из-за своей смелости немногими, сводилось к тому, что шеважа и вабоны суть один и тот же народ, в какой-то момент разделившийся на собственно вабонов, то есть цивилизованных воинов, живущих по определенным законом чести и веры в героев прошлого, и изгоев, ставших таковыми в силу допущенных ими прегрешений и безверья. И если с тех пор развитие вабонов шло по восходящей — они совершенствовали оружие, научились строить из камня и укреплять свои здания, развивали торговлю — то прячущиеся по лесам шеважа день ото дня только и делали, что дичали.

Никто доподлинно не знал ни сколько их, ни даже где именно они обитают. Ходили слухи, что в лесу полным-полно укромных пещер, где могут таиться сотни, если не тысячи шеважа. Лазутчики то и дело докладывали, что обнаружили очередной лесной лагерь, состоящий из нескольких примитивных хижин и кострища, но как всегда пустой. Поговаривали также, что шеважа вообще живут на деревьях, приводя в доказательство

найденные большие гнезда правильной формы и узкие мостки, сплетенные из лиан и веток, которыми эти гнезда соединялись.

Количество шеважа тоже всегда называлось разное. До наступившего в последнее время относительного затишья их отряды, нападавшие на заставы вабонов, исчислялись от нескольких десятков, когда весь штурм сводился к более или менее успешному обстрелу эльгяр из-за ближайших деревьев, до нескольких сотен, — и тогда исход сражения решали прочность стен и слаженность действий защитников. Не только летописи, но и старики рассказывали, что в былые времена шеважа могли собраться в многотысячную армию и нанести сокрушительный урон двум-трем заставам подряд, разметая их буквально в щепки и уничтожая все и вся на своем пути. Эти рассказы порождали среди вабонов — особенно женщин и детей — не только страхи, что подобное может в любой момент повториться, но и предположения, будто на самом деле шеважа есть не что иное, как кочующая по Пограничью одна большая армия, поделенная на отряды, не имеющая постоянного пристанища и потому неуловимая и неистребимая.

В основе же всех этих разночтений и недомолвок было то простое обстоятельство, что никому из ныне живущих вабонов не доводилось пересекать Мертвое болото и никто не представлял, что находится за ним. Если оно вообще где-то заканчивалось.

Нельзя сказать, чтобы вабоны никогда не интересовались окружавшими их землями, а тем более Пограничьем, от которого во многом зависело само их существование. Во все времена находились смельчаки, которые с риском для жизни отправлялись вдоль берега бескрайней Бехемы то вниз, то вверх по течению, однако если оттуда и возвращались, то возвращались ни с чем. О том, чтобы переправиться на противоположный берег, они могли только мечтать, понятия не имея, как это сделать. И дело тут было не только в том, что Бехема нигде не сужалась больше чем на три полета стрелы. Легенды рассказывали, что были попытки преодолеть это расстояние верхом на бревне, но все они заканчивались тем, что бревно попадало в стремнину, и бездыханное чаще всего тело обнаруживали вдали от того места, где очередной безумец начал свой последний путь.

Таким образом, вабоны оказались буквально заперты на плодородных землях между рекой и Мертвым болотом, вынужденные делить с шеважа лес, такой же непреодолимый и бесконечный, как Бехема. Со временем жажда поиска новых земель прошла, многие из отважных первопроходцев вошли в летописи Культа Героев, еще больше имен было позабыто, и теперь вабоны предпочитали не помышлять о новых странствиях.

Они научились избегать того, что не имело смысла. Главный же смысл их теперешнего существования заключался в стремлении обезопасить жизнь своих семей и уничтожить непрошеных соседей — шеважа.

— Клянусь отцом, с появлением этого чужеземца нашему покою пришел конец, — первым прервал молчание Хид. — И не только нашему, если Локлан действительно доставит его в Тронную залу и Ракли почтит его беседой при всем дворе. Обязательно найдутся умники, которым захочется вспомнить былые подвиги Героев и отправиться за тридевять земель искать новые земли и новых врагов. Как будто им не хватает лесных дикарей!

Дайлет промолчал, ожидая, что по этому поводу скажут остальные. Сам же он был приятно удивлен проницательностью своего всегда такого немногословного зятя. Хид словно читал его собственные невеселые мысли.

— Уж не намерен ли ты им помешать? — усмехнулся Саннак, водружая шлем обратно на мокрую шапочку. — Если бы Гейвен не был так глуп, он догадался бы сам допросить этого человека, а не тащить его к Граки. Тогда еще было бы время что-нибудь предпринять. А теперь молва побежит впереди них, и дураком окажется тот, кто попытается ей воспрепятствовать.

Стражники согласно закивали, не замечая сердитых взглядов, которыми обменялись Хид и Дайлет. Никому не хотелось новых треволнений для своих чад и домочадцев, но еще меньше — попасть в число неугодных Локлану и его царствующему отцу. При всей своей справедливости Ракли был строг и не допускал, чтобы ему перечили или мешали. Всем был памятен случай, когда младшего брата Локлана, Ломма, заподозрили в заговоре против наследника, и Ракли, вникнув в суть предложенных доказательств, распорядился казнить сына. Мальчишке было всего четырнадцать. С тех пор мнения о правителе вабонов разделились: большинство придворных упрекали его — разумеется, про себя — в жестокосердии и гордыне, тогда как люди простые приветствовали поступок своего правителя, не пожелавшего отступать от буквы закона даже ради самого близкого и любимого существа. Некоторые, правда, называли это решение поспешным и опрометчивым, а Ракли — наивным и близоруким, поскольку склонны были видеть в произошедшем коварный замысел Локлана, удалившего таким образом единственную возможную помеху на собственном пути к престолу.

— Так что будем делать с зайцем? — не то в шутку, не то всерьез поинтересовался, ни к кому не обращаясь, Хид. Про зайца

все давно забыли, однако, если взглянуть через бойницы, его одинокая тушка отчетливо виднелась на склоне рва в нескольких шагах от опущенного моста. — Раз Граки против, чтобы мы по ним стреляли, то уж хоть этого нам нужно пристроить. Спущусь-ка я и заберу его.

Не дожидаясь разрешения Дайлета, он поднялся с низенькой скамейки, на которой все это время сидел, и вышел на ранты. Хиду хотелось не только сменить тему, но и побыть одному. Предшествующий разговор настроил его на невеселый лад, и теперь он думал, чем все это может закончиться.

Шелта, его жена и дочь Дайлета, была любовницей Локлана. Именно от Локлана, а вовсе не от него, как думали окружающие, она ждала ребенка, своего первенца. Даже сам Локлан не догадывался об этом. Собственно, у них была лишь мимолетная связь, никого ни к чему не обязывающая, настолько мимолетная, что спроси сейчас Локлана, помнит ли он кареглазую девушку с соломенными волосами, которая уступила ему на веселом празднике прихода весны, он едва ли понял бы о ком речь. В определенные дни вабоны позволяли себе полную свободу нравов, когда даже прелюбодеяние не считалось греховным, и Хид сам мог похвастаться не одной легкой победой над подругами Шелты. К тому моменту они были женаты уже несколько месяцев. Однако больше всего самолюбие Хида уязвило то, что Шелта не призналась ему в содеянном, хотя уклад жизни вабонов требовал от нее откровенности с мужем во всем. О произошедшем между ней и Локланом он узнал случайно. Если говорить начистоту, просто-напросто подслушал разговор Шелты и Мев, ее близкой подруги, когда женщины думали, что Хид спит, устав от любовных подвигов.

К тому времени Шелта уже знала, что беременна, и пригласила Мев заменить ее на мужнином ложе. Муж Мев погиб на той самой заставе, где теперь служил Хид, детей они нажить не успели, так что связь между ними, да еще под приглядом законной жены, считалась у вабонов делом почти будничным. Девочки в семьях преобладали, и мужчинам, если они могли это себе позволить, разрешалось помимо жены жить еще с одной или даже несколькими женщинами, если те уже вступали в брак, но затем овдовели. При этом, если б у Мев от первого мужа остались дети, причем любого пола, от Хида она имела бы право родить только мальчика. Появись на свет девочка, ее в лучшем случае отдали бы в Айтпен'гард, Обитель Матерей. О том, что с ней могло произойти в худшем случае, Хид предпочитал не думать. Да и вообще о Мев он вспомнил сейчас исключительно потому, что она была единственным посторонним человеком, знавшим о

его позоре. Вопросы деторождения его не слишком заботили. Кто бы ни родился у Шелты, мальчик или девочка, ребенка не тронут. Как не тронут и второго, даже если это снова будет девочка. Но до этого еще далеко! Шелте только девятнадцать, у них все впереди! В роду Хида часто рождались мальчики. Чем он хуже своего отца! Разве тем, что отцу не изменяла ни одна из трех женщин, с которыми он жил после смерти матери Хида? Но кто может сказать наверняка?

Еще в детстве Хид слышал от одного старого воина и на всю жизнь запомнил поговорку: «Правда — есть нераскрытая ложь». Как же сделать так, чтобы ложь Шелты осталась нераскрытой? Хотя лжи-то как раз и не было. Хид корил себя за то, что ему так и не хватило мужества вызвать Шелту на откровенный разговор. Она по-прежнему думала, будто он ничего не знает. Почему он промолчал тогда? Испугался упасть в глазах Мев? Но она и так знала правду. Или посчитал, что выяснение отношений приведет к неминуемому разрыву и Шелта уйдет к Локлану? Чушь! Приревновал к этому мальчишке, к этому выскочке, занимавшему свое место исключительно в силу происхождения. Тот ведь даже ни разу не вступал в схватку с настоящими шеважа. Нет, нужно гнать прочь все эти никчемные мысли. Вот бы еще вспомнить, какой была в постели эта самая Мев…

Спускаясь по ступеням, Хид почувствовал, что за ним наблюдают. Такое бывало с ним, когда во время боя он интуитивно уклонялся в сторону, а там, где только что была его голова, проносилась смертоносная стрела. На сей раз вместо стрелы он увидел стоявшего в отдалении Граки. «Вот привязался», — зло подумал Хид и сплюнул себе под ноги. — Ведет себя так, будто кто-то сомневается, что он здесь главный. А главный — ну и занимайся своими делами. Нет же, ему обязательно нужно все разнюхать, самому пальцем в дерьме поковыряться, а потом придумать какую-нибудь причину, чтобы отчитать по первое число».

Делая вид, что не замечает Граки, Хид невозмутимо направился к воротам. Когда мост через ров был опущен, выходить за пределы заставы никому из эльгяр не возбранялось, однако существовало неписаное правило, по которому этой свободой пользовались лишь в крайних случаях. Только специально обученные лазутчики постоянно покидали заставу и рано или поздно возвращались обратно с новыми сведениями о перемещениях неприятеля. Судя по последним донесениям из леса, основные силы шеважа отступили далеко фюль'сан[Фюль'сан — букв.: за солнцем, то есть на запад.] и там затаились. Скорее всего, на время, как обычно бывало перед

особенно яростными атаками, однако за их действиями неусыпно следили опытные воины, и эльгяр знали, что будут заранее предупреждены о надвигающихся переменах. Хиду даже приходилось слышать о том, что несколько лазутчиков настолько хорошо освоили язык и повадки шеважа, что живут вместе с ними, успешно выдавая себя за дикарей. Хид этим слухам не верил, как не верил ничему, чего не видел собственными глазами. Он даже представить себе не мог, какими нужно обладать талантами, чтобы шеважа приняли тебя за своего. По крайней мере, родиться рыжим. Среди вабонов рыжие, конечно, попадались, однако, кроме себя самого, Хид встречал за всю жизнь лишь двоих.

Одним из них был его отец, могучий кузнец Хоуэн, умевший двумя ударами превращать раскаленную заготовку в плоскую пластинку, вторым — странный незнакомец, зашедший как-то давным-давно, в далеком детстве Хида, к ним в деревню, схваченный и убитый местными жителями как раз за подозрительное сходство с шеважа. В то время противостояние между вабонами и обитателями леса было наиболее яростным, и в народе ходило немало слухов о лазутчиках, вынюхивающих слабые места в обороне равнинных деревень. По рассказам отца, незнакомца просто-напросто оклеветали, хотя говорил он чисто, вел себя как обыкновенный путник и не просил ничего, кроме ночлега и возможности на него заработать. Единственным его недостатком оказалась огненно-рыжая шевелюра, которую он, как показалось односельчанам, пытается скрыть под платком, какие в холодное время обычно носили мужчины, не имевшие лишних денег, чтобы купить шапку. Кто убил его, тоже навсегда осталось загадкой, поскольку уже остывший труп зарезанного во сне незнакомца нашли под утро в кукурузном поле, вдали от хижины Хоуэна, который накануне согласился-таки дать ему скромный приют.

С тех пор Хида занимал вопрос: а что, если и среди шеважа встречаются изгои с волосами не рыжего, а просто светлого или даже темного цвета? Как терпят их соплеменники? Оставляют жить как ни в чем не бывало или прогоняют с глаз долой? И если их прогоняют, то куда они идут? Может быть, обращая столь пристальное внимание на собственных рыжих соплеменников, они упускают из виду тех шеважа, которые были изгнаны собратьями и поселились… среди них, вабонов? Своими сомнениями Хид не делился ни с кем. Даже отец поднял его на смех, сказав, что распознать шеважа, будь тот разодет хоть виггером,[Виггер — рыцарь.] хоть аолом,[Аол — старейшина (в деревне), избираемый из числа наиболее уважаемых виггеров.]

сможет и малый ребенок. С тех пор прошло немало зим, Хид сам за это время неоднократно сталкивался с шеважа и теперь понимал, что и отец, и его односельчане были слишком наивны и прямолинейны: чем больше оказывались отряды нападавших на заставу дикарей, тем заметнее на фоне их рыжих голов выделялись — как правило, закрытые меховыми шапками — светлые или почти черные шевелюры. Шеважа были разными. Не понимать этого или слепо отрицать очевидное значило, по мнению Хида, подвергать опасности всех вабонов.

В тени ворот дул приятно освежающий бриз. Лето в этом году выдалось особенно жарким. Прошедший два дня назад сильный ливень, испарившийся без следа, оказался единственным за много недель изнурительной засухи. На далекое синее небо лишь изредка наплывали разрозненные белые стайки облаков, но солнце сразу же гнало их прочь, и они таяли и исчезали, как сугробы снега после короткой и мягкой зимы.

Ступив на мост, Хид невольно насторожился. Тушка зайца лежала поблизости, но, чтобы добраться до нее, нужно было перейти на другую сторону рва. Лес ободряюще шелестел, призывая Хида не медлить. Однако он не стал спешить и по привычке внимательно осмотрел опушку. Все выглядело так же спокойно, как и с высоты ворот. Только ощущение, что за ним наблюдают, не исчезало. Оглянувшись, Хид обнаружил, что Граки ушел.

Доски моста мелодично поскрипывали под его легкими шагами. Товарищи, следившие сейчас за ним со стены, не должны были подумать, будто он волнуется. Да он и не волновался. Всего-то делов — зайца подобрать! Вон он валяется белым пятнышком на зеленом склоне. Стрела пригвоздила его к земле во время прыжка. Успел ли он понять, что умирает? Или смерть наступила раньше, чем он осознал свой конец?

Хид быстро перешел мост, спрыгнул в ров и осторожно, чтобы не оступиться и не напороться на торчавшие повсюду острые колья, наклонился над своей жертвой.

В это мгновение его больно ужалило в шею. Хид попытался отмахнуться, но рука задела что-то твердое, и это причинило ему еще большую боль. Удивившись непривычному ощущению в горле и услышав позади себя крики, показавшиеся ему знакомыми — кто-то как будто окликал его по имени, — он покосился в сторону и увидел оперение стрелы. Оперение было черным, какое обычно применяют шеважа, а стрела торчала из шеи. Только не зайца, а его собственной.

Хид хотел позвать на помощь, но зашатался, потерял равновесие и опрокинулся навзничь. Остро заточенный кол вошел

ему в бок между ребрами и замедлил падение ровно настолько, чтобы Хид успел различить сквозь застилающую глаза кровавую пелену бегущих по мосту и размахивающих топорами людей.

Шеважа атаковали заставу в полном молчании. Так приказал Нодж, а он всегда знал, что нужно делать. Потому он и стал тем, кем стал: вождем клана Лопи. Весь клан гордился им. А тем более Сана, его дочь, припавшая сейчас щекой к натянутой тетиве и ожидавшая, когда прорезь бойницы на высокой стене загородит изнутри чье-нибудь тело. Уж она-то не промахнется. Разве не ее меткий выстрел стал сигналом к наступлению? Гадкий илюли даже не понял, что его убили.

Рядом с Саной замерли еще несколько девушек. Опустившись на одно колено и уперев длинные луки в землю, они безостановочно пускали над головами штурмующих визгливые стрелы. Она так не умела. Вернее, ее всегда учили беречь стрелы и посылать их в противника только тогда, когда была полная уверенность в попадании. Хотя Сана понимала, что сегодня другой день, особенный. И не только потому, что вчера к ним присоединился клан Олди. Она впервые участвовала в штурме Дома илюли. До сих пор она охотилась на илюли в лесу, прячась в кустах или среди ветвей, а сегодня ее могли видеть, и она понимала, что это опасно. Потому Нодж и велел ей с ее новыми сестрами оставаться сзади и стрелять во все, что движется. Сам же он был сейчас далеко впереди, там, где в проеме под странной хижиной, водруженной прямо на стену, начиналась битва. Его тяжелый топор, уже окровавленный, взлетал над головами сражающихся и разил во все стороны.

Сана так увлеклась этим страшным зрелищем, что чуть не пропустила заветный момент. Рука сама спустила тетиву, и стрела бесшумно упорхнула туда, где в узкой бойнице мелькнул чей-то силуэт. Ее стрелы не жужжали и не издавали визга. Это были настоящие стрелы Лопи. Стрелы Олди повизгивали. Стрелы Фраки свистели. Сана знала, что ее отец очень хотел бы сейчас слышать над головой их свист. Но Фраки почему-то не пришли к месту сбора. Их прождали два дня. Потом решили, что больше медлить нельзя. Илюли могли спохватиться, не получив вовремя донесения от лазутчиков. Лазутчиков, трупы которых Лопи наспех зарыли в не успевшей высохнуть после ливня земле.

Стоявшая рядом с Саной девушка выронила лук и упала. Вражеская стрела угодила ей прямо в лоб. Илюли тоже умели стрелять. Не успела Сана заметить, откуда ведется стрельба, как вторая лучница поймала обеими руками стрелу, уже вонзившуюся ей в живот. Ее еще можно было спасти, но сейчас никому не было до нее дела: атака на ворота постепенно захлебывалась, и

слишком многое зависело от того, сколько Лопи и Олди будут принимать участие в продолжение штурма.

Перестав видеть топор отца, Сана не пала духом. Каждый воин в их клане знал, что рано или поздно погибнет. Все знали. Потому что все были воинами. И страшились лишь одного: умереть, не захватив с собой ни одного илюли. Сана за свою жизнь убила столько, что для счета теперь не хватало пальцев на руках и ногах. Больше, чем прожитых зим.

Туго набитый стрелами колчан лежал у колена. Обычно колчаны держали на спине, чтобы быстрее выхватывать стрелы. Сана никуда не спешила. Лучницы больше не падали замертво, и это могло означать, что угроза для уцелевших миновала. Мелькавшие в бойницах силуэты больше не предвещали опасности: бой перекинулся на стены. Но теперь длинные луки были ни к чему: пущенные наугад стрелы могли сразить как врага, так и своего.

Сана с неохотой положила лук на землю и, выхватив меч, когда-то принадлежавший илюли, зарубленному на охоте отцом, бросилась вслед за мужчинами. Большинство девушек, как она заметила, последовали ее примеру. Все-таки она была дочерью вождя!

На мосту творилось невообразимое. Сане никогда еще не приходилось видеть такое количество людей, безжалостно уничтожающих друг друга. Полагаясь на внезапность атаки, сегодня Лопи предвкушали легкую победу. Так говорил Нодж. Но илюли как будто ждали нападения и нарочно оставили мост опущенным. Их воины, с головы до ног закованные в блестящее железо, пугали своей неуязвимостью.

Сана заметила, как пущенные с близкого расстояния стрелы буквально отскочили от груди одного из илюли, который не обратил на них ни малейшего внимания, занятый рубкой с двумя наседавшими на него противниками. Отступая, он споткнулся о лежащий под ногами труп и упал, сопровождаемый ударами топоров.

Сана радостно вскрикнула и бросилась в обход основной массы сражавшихся.

От лязга железа закладывало уши. Сопровождаемая сестрами, она вбежала на территорию Дома илюли и в первый момент растерялась, не зная, куда броситься. Кажется, отец говорил, что важно захватить стены, чтобы получить преимущество в высоте. Она увидела, что Олди уже почти выполнили его указание: на обеих лестницах слева и справа от ворот происходили ожесточенные стычки, но в роли штурмующих теперь оказывались илюли. Могучие Олди сбрасывали их со ступеней ударами

топоров и дубин. Те же, кто не принимал участия в битве, рассредоточились вдоль стен и натянули короткие охотничьи луки. Сана пожалела, что оставила свой лук на той стороне рва и теперь не могла присоединиться к ним. Потому что с противоположной стороны дома, оттуда, где за хижинами виднелись точно такие же ворота, бежала толпа страшно орущих что-то на своем языке илюли. Они спешили на помощь защитникам главных ворот и наверняка подоспели бы вовремя, если бы не были встречены градом стрел с захваченных стен. Опешив, они рассеялись между хижинами и начали отстреливаться.

Сана судорожно думала, чем бы помочь соплеменникам. Потери были велики с обеих сторон, однако илюли по-прежнему превосходили числом.

Захрипев, упала стоявшая рядом с Саной девушка: стрела, вдвое короче обычной, пронзила ей плечо. «Мы все погибнем», — подумала Сана, и, подав остальным знак следовать за ней, устремилась к ближайшим хижинам, за которыми сверкали латами прячущиеся от стрел илюли.

Сана летела как на крыльях. Своей первой целью она выбрала воина не в доспехах, а в буром плаще, зеленые лоскутки на котором могли бы сделать его почти невидимым в лесу. Но только не здесь, на открытом пространстве, где поднявшееся в зенит палящее солнце уничтожило все тени.

Поначалу их маневр остался незамеченным. Бой у ворот продолжался, смертоносные стрелы летели со стен, остальное казалось не таким важным. И лишь когда до хижин оставалось несколько шагов, человек в плаще оглянулся.

Глаза их встретились.

Гейвен пришел в восхищение. Прекрасная огненногривая воительница с раскрытым в немом крике ртом бежала прямо на него, размахивая над головой не по росту длинным мечом. Еще две-три подобные ей мчались следом.

Гейвен никогда не думал, что среди воинов шеважа попадаются женщины. В лесных лагерях, за которыми он часто наблюдал из надежных укрытий, женщины производили впечатление обыкновенных дикарок, способных разве что готовить еду да ухаживать за детьми. И вот откуда ни возьмись сразу несколько зашли ему в тыл и представляют теперь более чем реальную угрозу.

Гейвен стряхнул оцепенение, вызванное красотой этого внезапного зрелища, и метнулся за угол хижины. В стену позади него впились одна за другой две стрелы. С этой стороны пространство между стенами простреливалось. Как же случилось,

что этих ублюдков пустили на стены?

Краем глаза он заметил, как спешащие на подмогу осажденным силы с дозорного холма, минуя ворота, сразу же взбегают на пока не занятые противником ранты с дальней от главных ворот стороны. Еще не хватало, чтобы шеважа взяли их в кольцо и перестреляли из луков, как щенков!

Но что же делать с этой девушкой и ее подругами? А вот и она, напряженная как кошка, готовая к броску, выставив вперед меч, медленно выходит из-за угла и с ненавистью смотрит на него! Красивая, бестия!

Гейвен только сейчас заметил, что сжимает в руках приклад арбалета, в который вложена одна-единственная стрела. Из этого оружия он обычно стрелял без промаха. Тем более с такого расстояния. Но не в женщину. Даже вооруженную мечом. Даже неотвратимо приближающуюся, невзирая на направленную ей в грудь стрелу.

Девушка прыгнула на него. Гейвен выстрелил и выронил арбалет. Над ухом провизжали стрелы: шеважа на стенах, похоже, настолько ненавидели вабонов, что не боялись попасть в своих. Что и произошло. Отпрянув назад, Гейвен увидел, как еще одна из нападавших повалилась замертво, оказавшись на пути предназначавшейся вовсе не ей стрелы. Но хуже всего было то, что двое оставшихся девушек, не обращая внимания на павших подруг, выскочили из-за угла хижины и набросились на него.

В подобных случаях Гейвен прибегал к излюбленному оружию: метательным ножам. Луки не всегда годились в лесной чаще — и он уже давно перешел на удобный арбалет. Мечом среди деревьев тоже много не намашешь — и он заказал себе несколько пар одинаковых ножей с утяжеленными рукоятками, которые наловчился кидать в цель из любого положения, причем с обеих рук.

Одной из противниц лезвие угодило точно в горло. Вторая оказалась проворнее и отбила нож мечом. Судя по всему, она была совсем юная и, остановившись, понятия не имела, что делать дальше. Чувствуя, что больше в его сторону стрелы не летят, Гейвен несколько приободрился.

— Бросай оружие, и я тебя пощажу! — крикнул он.

Едва ли девушка его поняла, да ей и не дали ответить: воин, который откуда ни возьмись вырос позади нее, одним ударом топора раскроил ей череп.

Это был Граки.

— Что тут разлегся? — прорычал он. — В прятки играешь? А ну вставай — и за мной! Наша берет! Осталось только поднажать!

Не дожидаясь, чтобы его распоряжение выполнили

буквально, Граки сорвался с места и скрылся за углом хижины. Гейвен, сам не заметивший, когда упал, поднялся и увидел, что тот несется, потрясая окровавленным топором, к главным воротам, где уже затихает битва. Оглядевшись, Гейвен с облегчением перевел дух: по рантам бежали тяжело вооруженные эльгяр, а дикари, вяло отстреливаясь из луков, поспешно отступали к воротам. Граки оказался прав: штурм был отбит.

Теперь крики доносились отовсюду: крики ликующих вабонов и потерявших надежду на победу шеважа.

В этом всеобщем оре Гейвен едва различил жалобное повизгивание. Осмотрелся. Прислонившись плечом к стене хижине, в двух шагах от него сидела рыжеволосая воительница, появление которой так смутило его в первый момент. Девушка, зажмурившись, плакала от боли и не видела никого и ничего вокруг. Стрела, выпущенная Гейвеном, торчала у нее из залитого кровью бедра. От верной гибели ее спас прыжок.

Гейвен растерялся по-настоящему.

У вабонов не было обыкновения брать пленных. Пленные оставались врагами. К тому же они требовали особого внимания и были лишними ртами. Предшественники Ракли пробовали приспособить их в хозяйстве, однако это никогда не доводило до добра. С первого же дня вступления во власть Ракли издал указ, запрещавший оставлять пленников в живых. Были уничтожены даже те, кто худо-бедно прижился у вабонов и не вызывал беспокойства. Однако, насколько знал Гейвен, все это касалось только мужчин. Женщины в плен не сдавались. Застигнутые врасплох в своих лесных стойбищах, они гибли вместе с мужьями, а в штурмах застав до сих пор не принимала участия ни одна женщина. Во всяком случае, Гейвен ни о чем подобном не слышал. И вот теперь перед ним сидела раненая девушка, судьба которой зависела всецело от его решения. Решения, с принятием которого он медлил.

Полученная ею рана определенно не была смертельной. Однажды в юности Гейвену самому случайно прострелили ногу из арбалета, и он смог ходить без посторонней помощи уже через десять дней. Нужно было только вовремя принять все необходимые меры.

Присев на корточки, он с отвращением осмотрел стрелу. Нога девушки дергалась, и из раны хлестала густая кровь. Гейвен одной рукой взял стрелу за древко. Когда он потянул ее на себя, девушка зашлась воплем. Он перехватил стрелу с одной стороны обеими руками, благо бедро у девушки было худенькое. Оставалось самое сложное.

Напрягая все силы, Гейвен отломил оперение. Теперь стрела

должна была без хлопот выйти с противоположной стороны. Он заставил девушку согнуть ногу в колене. Зная, что сейчас последует, покрепче ухватил за острый четырехгранный наконечник и резко потянул вниз. Крик прервался: от боли девушка потеряла сознание. «Может, и к лучшему», — подумал Гейвен, отбрасывая никчемный обломок стрелы и озираясь в поисках того, чем бы остановить кровь и перевязать рану.

— Вот платок, — послышался сзади чей-то голос — Только я бы сначала приложил дубовых листьев. Они хорошо вытягивают всякую заразу.

Это был не кто иной, как Локлан, весь измазанный явно чужой кровью и чуть насмешливо улыбающийся. Протянутый им платок выглядел чистым и достаточно длинным.

Гейвен молча кивнул и стал тщательно перевязывать рану. С дубовыми листьями, конечно, лучше, Локлан прав, но для начала сгодится и так. Для начала, у которого могло и не быть продолжения. Затягивая концы платка, Гейвен заглянул в лицо девушки. Сейчас казалось, будто она просто спит. Пусть даже сын Ракли пожалел несчастную, главный здесь все-таки не он, а Траки. И Граки слепо блюдет закон, утвержденный отцом Локлана.

Шум битвы стихал. Вабоны добивали раненых врагов, которым удалось прорваться на территорию заставы не дальше первых хижин. Трупы убитых на рантах сбрасывали со стен копьями и крюками: считалось, что прикосновение к мертвому шеважа может навести порчу.

— Странно, никто из них не обратился в бегство, — пробормотал Фокдан, подходя к Локлану и вытирая рукавицей лезвие топора. Лук вместе с колчаном висели на его широком плече. — У нас все равно не осталось сил, чтобы их преследовать. Неужели они пришли для того, чтобы погибнуть?

— Об этом ты еще успеешь спросить. — Локлан указал на распростертую возле хижины огненно-рыжую девушку, рядом с которой стоял на коленях Гейвен и перевязывал ей ногу. — Если только она не умрет от заражения крови. Ваши люди, похоже, не умеют даже как следует наложить бинты.

Фокдан мгновение смотрел на девушку, потом отвернулся. При виде ее он вспомнил, что вот уже много дней не знал женщин. На заставе об этом не принято было говорить, и каждый переносил тоску по-своему.

— Как они могли подкрасться так незаметно? — Фокдан потер кулаком подбородок. — Их же было не меньше сотни.

— Думаю, тебе показалось, — ответил Локлан, продолжая рассматривать девушку. — Они дрались как сотня, но было их

раза в два меньше. Дай им наше оружие — и нам бы пришлось худо. Эй, — крикнул он, заметив, что начали поднимать мост, — подождите, еще не всех убитых собрали!

И быстрым шагом направился к воротам.

Фокдан и Гейвен переглянулись.

— Всюду хочет поспеть и всюду быть главным, — заметил лазутчик.

— Поспеть — да, главным — не думаю. Не слышал, чтобы у Граки были с ним разногласия.

— Теперь будут. — Гейвен кивнул на раненую.

— Кто это? — Фокдан заставил себя смотреть в сторону. — Ты ее подбил?

— Их было четыре или пять, — словно оправдываясь, ответил Гейвен. — Эта легко отделалась. Стрелы у меня все каленые, думаю, заражения не будет. Локлан велел ее перевязать.

Фокдан чувствовал, что лазутчик хитрит, но не стал выводить его на чистую воду. В сущности, какая разница, почему эта девушка жива? Пока жива. Едва ли Граки или кто-нибудь на заставе посмеет ослушаться Ракли. Разве что Локлан. Так вот что имеет в виду Гейвен, говоря о разногласиях!

Тут внимание его привлекла одинокая фигура, уныло бредущая между хижинами. Фокдан узнал Вила, ночного гостя, пришедшего из Мертвого болота и ставшего невольным предвестником чудом сорвавшегося штурма. Последний раз Фокдан видел его жадно поедающим ужин в хижине Граки. Сейчас чужеземец показался ему еще более жалким и брошенным. Глядя на тряпье, заменяющее ему одежду, трудно было представить себе, что совсем недавно, скитаясь по лесу, он нес сокровища, о которых Фокдан с детства слышал от отца, но которые считал, как и большинство вабонов, давным-давно и безвозвратно утерянными. Если бы не его худоба и чересчур бледная кожа, Вила легко можно было принять за соплеменника. Даже его причудливая речь, поначалу непонятная, была речью вабона, много зим прожившего вдали от родных мест. Во всяком случае, так сказал после ночного собрания Шиган. А мнению отца Фокдан не мог не доверять.

Переживший тридцать зим, Фокдан был младшим в роду. Остальные братья погибли в разное время и на разных заставах. Старшему из них, Кинвелу, когда родился Фокдан, было почти столько же зим, сколько ему сейчас. Именно его сменил Гейвен на посту командира лазутчиков после того, как тот пропал без вести прошлой весной.